

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

12/2021

В номере:

Мерцание

«...Грибами пахло, листьями, сухой травой горелой, ветки заплескивались в приоткрытое окно, хлестали по стеклам. В окно впорхнула бабочка и заметалась по вагону. “А вы куда едете? — спросил меня пожилой господин в пиджаке на майку, неожиданно вынырнув из полумрака. — Там дальше нет ничего...” Марина МОСКВИНА — автор опубликованных в «ДН» романов «Крио», «Гений безответной любви», «Роман с Луной» — продолжает писать радостную, щемящую и ироничную, надежно заземленную, но всегда готовую воспарить в небеса историю любви к этому благословенному и абсурдному миру. Роман «Три стороны камня» — трагикомическое повествование о художнике, искавшем чистый свет в своих картинах и в итоге растворившемся в (на) белом свете, опыт противостояния забвению.

«Миграционный фон»

Конец 90-х — и дальше: «Мама не сдалась, она твердо решила эмигрировать. Бороться за мое светлое будущее». — «Thomas и David на каждой перемене орали мне вслед “дерьмовый русский”. Хамону они кричали “дерьмовый иранец”, пока тот не избил Thomas до крови. За это Хамона погнали из гимназии — чурка не должен избивать детей из домов с участками. А я молчал. Я остался в гимназии и подружился с Markus и Thomas (Thomas № 2)». — «Отец, ты знал, что этот твой друг трахал мою мать тогда в этом доме, в котором мы жили? Мать, ты знаешь, ради чего все это было, все эти годы в Германии? Нет?» Повесть «Унтерменш» Сергея СИМОНОВА. «Над пропастью во ржи» 70 лет спустя. Первая публикация в «ДН». Новое имя в ряду с Андреем Ивановым и Ольгой Брейнингер.

То, чего не бывает даже при пожаре и на войне

Кто ты такой, что у тебя за идентичность? Хорошо или плохо ее существование? Какой она бывает? И не бывает? Станет ли она общечеловеческой? Обо всем этом остроумно и не без вызова рассуждает в своем эссе ученый, публицист, писатель Алексей МАЛАШЕНКО. Непреднамеренный «комментарий» к повести Симонова.

Общее прошлое в личном настоящем

Декабрь 1991 года — конец СССР. Исторический рубеж. Спустя тридцать лет мы пригласили наших авторов к диалогу с прошлым. Ксения ГОЛУБОВИЧ, опираясь на фундаментальный «Словарь трудных слов из богослужения» поэта, переводчика, филолога Ольги СЕДАКОВОЙ и беседуя с Павлом ПЕППЕРШТЕЙНОМ, одним из знаковых акторов арт- и литературного сообщества 90-х, размышляет о том, как менялся и меняется язык времени (в том числе художественный). Участники «круглого стола» Валерий АЙРАПЕТЯН, Александр ГРИГОРЕНКО, Елена ДОЛГОПЯТ, Денис ДРАГУНСКИЙ, Илья КОЧЕРГИН, Елена КРЮКОВА, Олеся НИКОЛАЕВА, Алексей ТОРК, Дмитрий ШЕВАРОВ размышляют о том, как мечтались тогда, как сбылись для каждого из них и как откликаются сегодня 90-е годы: «Куда мы шли эти тридцать лет? Куда пришли? Есть ли у кого ответ? Нет ответа. Как и Страны Советов, родины моего счастливого детства.» ... «Мои 90-е были ужасны, но сейчас я понимаю, что это было время крупных людей, крупных событий.» ... «Отца скрутило насмерть.» ... «Девяностые для меня были годами первого публичного успеха.» ... «Две тысячи двадцать первый. Я приезжаю рано утром, пью кофе, проверяю почту и берусь за старые бумаги. Дышу пылью. Хочется сказать: всё прах. Так и говорю...»

Дружба народов

12'2021

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.10.2021.
Подписано в печать 29.11.2021.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 1235. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН. В спокойном и беспрекословном свете. <i>Стихи</i>	3
Марина МОСКВИНА. Три стороны камня. <i>Роман</i>	6
Эля ШАРИФУЛЛИНА. Небо лежит ничком. <i>Стихи</i>	83
Сергей СИМОНОВ. Унтерменш. <i>Повесть</i>	85
Елена АЛБУЛ. Запах кофе. <i>Рассказ</i>	125
Александр ДИМИДОВ. Стервы. <i>Рассказ</i>	134
Михаил КАГАНОВИЧ. Так люблю. <i>Стихи</i>	140
Алексей ИВАНОВ. Рассказы из сванской тетради	143
Герман КАНАБЕЕВ. Неделя. <i>Рассказ</i>	154
Евгений СТЕПАНОВ. Как младший брат травы. <i>Стихи</i>	166

НАЦИЯ И МИР

Алексей МАЛАШЕНКО. Нелёгкое бремя идентичности. <i>Ненаучные заметки</i>	168
--	-----

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Георгий ПАНКРАТОВ. Я хочу проснуться... <i>Два эссе</i>	174
---	-----

ДИАЛОГИ С ПРОШЛЫМ

90-е и сегодня: прошлое в настоящем. <i>В заочном «круглом столе» участвуют:</i> <i>Валерий АЙРАПЕТЯН, Александр ГРИГОРЕНКО, Елена ДОЛГОПЯТ,</i> <i>Денис ДРАГУНСКИЙ, Илья КОЧЕРГИН, Елена КРЮКОВА, Олеся НИКОЛАЕВА,</i> <i>Алексей ТОРК, Дмитрий ШЕВАРОВ</i>	182
--	-----

КРИТИКА

Ксения ГОЛУБОВИЧ. Труд поэта. Словарь. <i>Ольга Седакова. Трудные места из богослужения</i>	212
Павел ПЕППЕРШТЕЙН. Нежные пространства и сундучки Флинта. <i>Разговор ведет Ксения Голубович</i>	225

СВЯЗКА РЕЦЕНЗИЙ

Александр ЧАНЦЕВ. Внутренняя алхимия (<i>Е. Головин. «Там»;</i> <i>Г. Джемаль. «Сады и пустоши»;</i> <i>Е. Торчинов. «Опыт запредельного: религии мира»</i>)	237
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Дело привычное	249
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Театр в эпоху революции	253
---	-----

Содержание журнала «Дружба народов» за 2021 год	258
--	-----

Summary	272
----------------------	-----

Владимир Гандельсман

В спокойном и беспрекословном свете

* * *

Рождённый по тому прообразу,
невидимо-неколебимому,
в обозе Господа, по абрису,
ещё до Господа любимому
молчащим изначальным словом,
рождённый в человечесий гомон,
я стал для крови жизни — кровом
и буквой замысла. Но в чём он?

Зачем моё дыханье считано
не с таборного и проворного —
с того, которым и молчит оно,
воистину — с нерукотворного?
Дыши, дыханье, не бессильных
удел, ты есть — о чём и речь вся —
затем, чтоб выветриться в синих
палатах неба и пресечься.

* * *

Он, читая, увидит: звезда,
и его удивит: жизнь её — на примете,
и уснёт, как умрёт, навсегда,
и проснётся, — едва на рассвете
заискрится роса,
он, послушник, невидимой цепью
приковав себя к тихому, как небеса,
неотступному великолепию
переливной реки, своё слово творит
и за Ним повторяет,
что сначала увидит, потом удивит,
но ни буквы не потеряет.

Гандельсман Владимир Аркадьевич — поэт, прозаик, эссеист, переводчик англо-американской поэзии. Родился в 1948 году в Ленинграде. Окончил электротехнический институт. Автор 15 сборников стихов и записных книжек «Чередования» (СПб., 2000). Лауреат «Русской премии» (2008), премии «Московский счёт» (2011) и других. Живет в Нью-Йорке.

* * *

Не прячься, говорю, не прячься,
не закрывай глаза,
с открытыми глазами плачься
в синеющие небеса.
Там трепетная жизнь не тонет
и тонки голоски
тех, кто усопших не хоронит
по-воровски,
лишь богу птичьему благие
благодарение поют
в своей небесной литургии,
как будто гнёзда мёртвым вьют.

* * *

Дрогнувшая ли свечой в затоне
звезда, задета веслом,
ночь ли, греющая свои ладони
моим теплом,
дерево ли, во мне негодую
на ветер, кочующий по углам
сознания, — едва уйду я
по неотложным делам, —
смолкнут... Другой им ссудит
жизнь — что с того?
Для меня их созвучие будет
мертвым мертво.
К этим хлеба краюхам
время прикасаться другим, свечу
зажигая и слыша всем слухом,
как я глухо молчу.

* * *

Получил, говорит, в столовой суп,
холодный борщ,
сел, ссутулясь, хлюп, хлюп
(мать — ребёнку: ты не топорщ
глаза), сижу, говорит, нищ,
и небрит, и тощ,
и в окне ещё луч из-за тёмных нищ,
звучащий точь-в-точь
как слово. Слово. Но то не я,
показалось, сижу, я не мог,
чтоб слеза в тарелку. Нет, не моя.
Это мною, думаю, плачет бог.
Это он от жалости и любя.
Луч в окне горит.
В избавлении нацело от себя
чистота безупречная есть, говорит.

Памятник

пел старьё берём старьёвщик
доносилось со двора эхо
почтальон втискивал в ящик
газету вздыхал эх-хо
шила стрекоча портниха
прачка бельё брала в стирку
становилось к вечеру так тихо
точно писано под копирку
человек отчаивался чего ради
вспыхивал в мозгу сварщик
за окном с тетрадью
переписчик возился сверщик
над колыбелью свои сети
раскидывал путь млечный
я не жил столько тысячелетий
и потом не буду жить вечно

Из аллеи

Виднелось вдалеке пустое поле,
на солнце детские ладоньки
листья, как если бы в них что-то пело,
прозрачно зеленели и легонько
дрожали. Затевались эти строки
в спокойном и беспрекословном свете.
Ни грома, ни грозы, ни рифма «сроки»
ещё не шла стиху, ни рифма «сети».
Но если ты не слышал гула,
и тишина стояла, не затишье,
зачем, скажи, тебя к жилью тянуло
и краткому дымку над крышей,
туда, где длится вечное застолье
и — умное ли слово, вздор ли —
где вволю злы и рады поневоле,
и счастье смертное застряло в горле?

Марина Москвина

Три стороны камня

Роман

Нет более соблазнительного дерзновения для человеческого сердца, чем попытка понять стершиеся человеческие следы, которые вдруг являются перед ним и обращаются к нему.

Эмилио Бетти

У меня душа как-то некрепко держится за тело. Любой внезапный переполох может вытряхнуть из меня душу, и даже в мелочах — стоит мне споткнуться на бегу, глядь, она парит в вышине. Особенно этому способствуют любовь и алкоголь. При этом, как только бывает в кино или во сне, тело мягко и расслабленно опускается на землю.

Первый раз это случилось в Юрмале на детской площадке, среди медовых лип и корабельных сосен с зарослями черники у корней, наполнявших воздух запахами смолы и нагретой хвои. Крутилась карусель, и мой дорогой мальчик с ветерком летел по кругу да еще раскачивался, ибо это были качели-карусели. Солнце клонилось к закату, на тот момент оказавшись на уровне глаз, и всё было видно контражуром.

Карусель остановилась, а когда я потянулась к ребенку, она вдруг поехала с музыкой хрустальной. Меня ударило по лбу железной балкой, и я увидела себя лежащей лицом к небу, раскинув руки, крутились трубы, громокая и скрипя, наверно, снизу напоминая адскую машину, а сверху — праздничную иллюминацию, кружащую под наигрыш волшебный.

Передо мной уж мерцали белые фигуры, исполненные любви. Они как будто совещались и были очень притягательны, из чего я заключила, что небесное притяжение, пожалуй, посильнее земного. Внизу мелькнуло испуганное лицо мальчика. И я мгновенно обнаружила себя сидящей на скамейке, на лбу вздувается здоровенная шишка, а Павел побежал играть дальше — подумаешь, только шишка и больше ничего.

Это был период, когда мир явно пребывал со мной в раздоре. Все время северный ветер какой-то злой, даже летом, нервы на пределе, люди представлялись мне сборищем отщепенцев и фриков, иногда утром я просыпалась в полнейшем отчаянии без всякой видимой причины.

Марина Москвина — прозаик, автор многих книг для детей и взрослых, в том числе романов «Гений безответной любви», «Роман с Луной», «Мусорная корзина для Алмазной сутры», «Крио», а также книг о путешествиях в Японию, Индию, Гималаи и Арктику. Лауреат и финалист многочисленных литературных премий. Постоянный автор «ДН».

Предыдущая публикация в нашем журнале — «Глория мунди» (2018, № 2; премия «ДН» за лучший рассказ года).

Журнальный вариант.

Роман Марины Москвиной «Три стороны камня» выходит в «Редакции Елены Шубиной» издательства АСТ в начале 2022 года.

Да и что тут веселиться-то, когда кругом наводнения, землетрясения, тайфуны, черная дыра поглощает материю, антивещество пожирает вещество, брахманы прекратили творить молитвы, народы впали в варварство, всю ночь над ухом зудят комары, по улицам стаями бродят сумасшедшие, в раздолбанных автомобильчиках — шудры. Всюду слышатся пьяные крики, мат-перемат, из окон доносится перебранка. Встанешь на трамвайной остановке — рядом бабуля в мини-юбке, в панаме, ярко накрашенная, с искусственной косой, бледный слепой с коломенскую версту нащупывает посохом сквозь толпу дорогу к трамваю...

Я даже затеяла окреститься, пошла в храм на Петровке, а там священником — отец Михаил, душа-человек, я ему рассказала про свою беду, а он вдруг так жарко зашептал:

— Вы счастливица в сравнении со мной. Мне надо принимать исповедь, причащать, благословлять, а на уме: «Да будьте вы неладны!» или, что еще хуже: «Чтоб вы сдохли все...» Хоть снимай ризу и меняй работу!

В смятении вернулась я домой. А мои окна выходят на Бутырскую тюрьму. Нет-нет и поглядываешь, не собрались ли семь Ангелов, имеющие семь труб, вострубить и не летит ли на землю звезда, которой был дан ключ от кладезя бездны?

Хотя мой приятель Флавий считал подобный вид из окна благословенным, ибо он развивает у квартиранта философское отношение к жизни.

— Еще лучше, если б твои окна выходили на крематорий, — заявлял он мечтательно, — что напоминало бы о бренности бытия...

Своим благозвучным именем друг мой обязан мамочке, та много лет заведовала сектором икон в Третьяковской галерее, Агнесса Шимановская, специалист по Страшному Суду.

— Я только запаматовала, — бормотала она, спустя много лет, уже старенькая, седая, всегда всем ужасно недовольная, — в честь кого именно я назвала сынулю? Флавия Иосифа? Флавия Аэция? Флавия Стилихона?.. Ромула?.. Филострата?.. Вегеция Рената? Флавия Клавдия Юлиана или Флавия Севера?

Верней всего — Иосифа, поскольку сестрица Флавия Сибилла тоже отхватила имечко дай боже, но эта уж, никаких сомнений, — наследовала незабвенной королеве Иерусалимской.

— Когда Амори, сын Фулька Анжуйского и Агнес де Куртенэ, взошел на трон Иерусалимского королевства, — говорила низким голосом, контральто, их царственная мать, — его брак объявлен был недействительным по причине кровного родства. Но Сибиллу и ее брата Балдуина, после долгих и нудных препирательств, с большой натяжкой и оговорками, объявили законными детьми...

Одна радость, Шимановская не одарила сына звучным именем Балдуин, чем обрекла бы его на пожизненное прозвище Балда. А Флавий — однокашники и так пытались вывернуть, и эдак, все головы сломали, — оно неприступно высилось как монолит, не поймешь из какого сплава, отполированный до блеска.

Притом Шимановская утверждала, что родом они из деревни Похолуево Рязанской области, и Флавий с годами стал вылитый дед Похолуев — такой же раздолбай, Царствие ему Небесное. А на меня порой неодобрительно косилась и спрашивала прямо в лоб:

— Райка, ты еврейка?

На что я сызмальства неизменно отвечаю:

— Уже да!

С намеком: с кем поведешься, от того и наберешься.

Однако Шимановская, глядя на меня как царь сами знаете на кого, не раз объявляла, что в жилах ее семьи течет исключительно славянская кровь без малейших примесей, и вся их компания от кончика носа до кончика хвоста — русские, а именно: бабушка Иовета, сама Агнес, два ее отпрыска Флавий и Сибилла вкупе с отцом

Амори Мануилом, предложившим руку любимой дочери графу Стефану Сансерскому, но Стефан — тот еще обалдуй, не хуже деда Похолуева, из-за какой-то вассальной клятвы, данной римскому императору, которую пришлось бы расторгнуть, стань он королем Иерусалимским, — отказался от своего счастья. О чем все, конечно, горевали, ибо Сибилла имела странную особенность, причем никто понятия не имел, что с этим делать, — бедняжка непрерывно росла, будучи уже совсем взрослой.

И кто это вынужден терпеть? Я, дочь Софьи Андреевны, дочери Екатерины Фёдоровны, дочери Аграфены Евдокимовны, потомок фабрикантов Абрикосовых, которым принадлежало пол-Москвы — особняки, богадельни, заводы и пароходы, а главное — прославленная кондитерская фабрика немыслимого масштаба деятельности: товарищество «Алексей Абрикосов и сыновья», оборудованное по последнему слову техники, в том числе и паровыми машинами. Потом ее переименовали, и она стала фабрикой имени революционера Бабаева.

Да как она смеет так со мной разговаривать, эта Шимановская, если в зените славы мой прапрадед Алексей Иванович Абрикосов получил звание Поставщика двора Его Императорского Величества!

Нет, я ни в коей мере не умаляю величие деда Похолуева, всеми правдами и неправдами уберегшего чистоту славянских кровей, просто благодаря моему излишне длинному носу, а также непроходимой тоске во взоре, меня частенько принимают за представителя избранного народа, и, как Человеку Мира, это не то чтобы обидно, это злит как не знаю что!

И сны, сны одолевают меня, запоминаясь во всех подробностях, как правило, невесомые и бесплотные, а тут неожиданно — ярко так, реально привиделось облако, в котором бушевал пламень, а в пламени — колесница с крылатыми животными, имевшими каждое четыре лица: одно — человека, другое — льва, третье смахивало на орлиное, а четвертое — то ли агнец, то ли еще кто-то в этом роде.

— А перед лицами — колеса, усеянные очами? — спросила Агнес, когда я рассказала им с Флавием о своем видении. — Ты у нас просто пророк Иезекииль! Райка и внешне смахивает на Иезекииля, ты не находишь? — спросила она у Флавия.

— Конечно: у них, у русских, лицо капустой, нос картошкой, — сказала я, зарекаясь с ней обсуждать что-либо, касательное таких тонких материй.

К тому же Агнесс побаивалась, что Флавий женится на мне и я буду претендовать на ее жилплощадь. На кой мне сдалось их ласточкино гнездо под стрехой, блочная пятиэтажка в Марьино, когда я всю юность прожила в квартире, где до революции вольготно располагались мои родовитые предки.

Дом наш стоял на высоком берегу Яузы — священное место, Лыщикова гора, Николаямская улица, сколько там было купеческих домов, особнячки, дворцы и церкви, все сметено, уцелела одна церквушка Покрова Богородицы, единственная в Москве несмолкающая веками звонница; две колокольни звонили после злополучного октября: Ивана Великого в Кремле и наша, это примерно четыре остановки на троллейбусе до моей бабули Кати.

Дом Абрикосова — вычурной конструкции с излишками архитектуры: балясины, увенчанные гроздьями винограда, широченная парадная лестница, чугунные перила, пять с лишним метров потолка (практичные жильцы громоздили над головами второй этаж, прилаживая винтовую лесенку), анфилада комнат и коридор с шикарным дубовым паркетом ромбиками, уходящий в бесконечность.

Как это ни удивительно, пращур мой, Абрикосов, радостно приветствовал революционные бури. До октября семнадцатого года в его домашнем дневнике встречаются такие записи: «Послал Осипа за маслом, просто хлеб с черной икрой не так хорош...» После февральского восстания появятся вольнолюбивые строки: «А может, и славно, что нет никакого царя?» А после Октября из этого же дневничка

мы узнаём, что Ося, высунув язык и утирая пот со лба, сидел на кухне, выводил какие-то каракули. Старик хотел помочь, поскольку тот неграмотный.

— Пишите, барин, — сказал Осип. — «В совет рабочих и солдатских депутатов. Заявление. Семья Абрикосовых по адресу Николаямская дом 8 занимает слишком много комнат, их надобно прикатать...»

Домовладельца уплотнили, оставили одну гостиную, и ту разделили фанерой пополам, а благородное семейное гнездо превратили в пчелиные соты. Но папочка — правнук Абрикосова — Абрикосов Альберт Вениаминович, выдающийся физик и математик, — был благодушен, миролюбив, он мне говорил:

— Всегда надо разговаривать друг с другом вежливо. А в критических случаях — особенно вежливо: «Дорогой сэръ, вы позволили себе в мой адрес... Когда будем стреляться, сэръ?» — «В среду сэръ...» — А не: «Ах ты, сволочь, мерзавец, подонок, свинья...» Кстати, «свинья», — объяснял он мне, — означало трусость и отсутствие воинской доблести — всего лишь!

И рассказывал, что у них в доме перед войной был жутко приставучий дворник, жильцы с ним ругались, посылали куда подальше, а он оказался осведомителем НКВД. Весь дом пересажал — кроме нашего папы, который с младых ногтей один ему говорил всегда:

— Здравствуйте, Кондрат Егорович, как поживаете?

Только папочка и остался, его не тронули.

Похоже, над нашим родом простиер крыла ангел: о всех судить не берусь — у пращуров было двадцать два ребенка. В лучшие свои времена фамильный клан насчитывал сотню, а то и больше, благоденствующих плодов раскидистого древа Абрикосовых. Кто-то вовремя покинул эту страну, как загоревшуюся одежду, кто-то раздал свои богатства, переименовал имя и с котомкой двинулся по Руси.

Зато на нашем стволике с ближайшими ответвлениями старики во благовременье умирали в своей постели, что было недостижимой роскошью по тем временам. Каждая личная история заканчивалась хеппи-эндом — если про человека можно было сказать: он много пережил невзгод, но умер в своей постели.

Справа на стенке висел общественный телефон. Перед телефоном — три комнаты с паркетом, элитные, где обитали я, мамочка и папа, те самые Абрикосовы, плоть от плоти, но это не афишировалось, тут же за фанерной кулисой (половинка двери наша, половинка — невестки Льва Толстого, неясно по какой линии) — Екатерина Васильевна Толстая, совершенно седая, прямая, худошавая в синем халате.

Дальше — надменная Лидия Петровна, интеллигентная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи, вдова академика Магницкого, химика и металлурга, единственного, как говорила Лидия Петровна, «беспартийного друга Сталина». У той все отдельное: мраморный рукомоинчик с белым эмалированным кувшином, личный телефон и светлая просторная комната с видом на проезжую часть. Перед ее окнами ездили троллейбусы, это считалось шиком, и там всегда было солнце!

К Лидии Петровне часто приходили серьезные люди в длинных габардиновых пальто и шляпах, она устраивала респектабельные приемы. На стенках фотографии: Магницкий с Папаниным, с академиком Павловым, Гербертом Уэллсом. Повсюду в комнате лежали памятные альбомы, стопки рукописных листов, испещренных химическими формулами.

По утрам Лидия Петровна и графиня Толстая оживленно беседовали на кухне по-французски, обсуждая что-то, не предназначенное для ушей советских обывателей вроде дремучего таксиста Гарри и его супруги Антонины, милиционерши, очень властной, фанатично преданной своей профессии, с лицом боярыни Морозовой, только художника Сурикова не хватало — запечатлеть ее суровые черты.

Эля Шарифуллина

Небо лежит ничком

* * *

не осталось ни одной железной истины
чтобы в голове навек прижиться
мало жизни дописать страницу
но довольно для коротких писем
в никуда в безадресную местность
где лишённая волненья встречи
брошу пригоршню мыслей в землю
ради одинокого цветенья речи
оступлюсь на строчке горизонта
преступлю черту листа в паденье
и назад к своим живым и мёртвым
в вихрь холодной ойкумены
где разбита немотой гортанной
ухвачу несущееся тело жизни
на бумаге слабо обретая
равновесие за неимением истин

* * *

куда опаздывают муравьи
бегут, выпрастывая крылья
незримые, а день стоит
подёрнутый зелёной зыбью
зачем не спится им в тени
под трав унылое камланье
как язва, вспыхнувшая с краю
на влажном языке земли
чернеет дом их, и содом
казалось бы, творится в доме
но каждый муравей доволен
своим рутинным ремеслом

Эля Шарифуллина — поэт, переводчик. Родилась в 1999 году в Москве. Студентка Литературного института им. А.М.Горького (поэтический семинар О.А.Николаевой). Публиковалась в журнале «Юность». Финалист поэтического конкурса «Новые имена» (2020, Литературный институт). Живет в Москве.

В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

закончит землю бороздить
взберётся по руке корявой
к реке небесно-кучерявой
натруженную душу мыть
блажен бегущий муравей
не плача о худой юдоли
не зная воли меланхолий
несёт домой зелёный день

* * *

По парку, липкому от раздражённого покоя,
пройти пешком и оказаться всех бедней —
свидетелем брачующихся голубей,
кирпичных женщин, утонувших в зное,
велосипедствующих, нервных ходоков,
святош, гуляк, нимфеток, дураков
и прочих, акварелью дня преображённых,
весёлых, мокрых, пьяных и влюблённых;
узрев капризы детства, перепалок тьму,
прыжок воланчика над радужной листвою,
проворство тел, взволнованных весной,
вино, и дым костра, и музыку в дыму...
Пройти тишком, скрывая судорогу сердца
в блаженной изумрудной чехарде,
вздыхая как разбуженный мертвец
над красотой, над лёгкостью бессмертья.

* * *

подержи тело моё на весу
удержи душу мою на ветру
лопнет сосуд в солнечном глазу
побежит радуга по бедру
научи гордость мою уходить
научи ничего не беречь
чтобы тело не мучило научи
чтобы смерть давалась как речь
загремим грому наперекор
рассечём ливень наперерез
нам что наговор что приговор
что с крестом и что без
бога много найдёшь тайком
в изувеченном червяке
даже небо лежит ничком
чтобы видеть себя в зрачке

Сергей Симонов

Унтерменш

Повесть

Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее, это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица подобные человеческим — однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа — хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные желания и неприкрытая подлость.

Гиммлер, 1942

Часть I

* * *

Серёжа сидел на газонном ограждении возле аккуратных гаражей, у ровной пешеходной дорожки в городе Дюссельдорфе. Городе с одним из самых высоких уровнем жизни в Европе. Рядом с гаражами стояли ухоженные белые дома, в которых жили бюргеры со своими семьями. Наверное, на их каминах стояли фотографии дедов и прадедов, проживших свою жизнь в этом же городе.

Серёжа сплюнул и принялся стучать по кованому ограждению палкой. Когда придет Армян? Мимо проходили местные пенсионеры и отводили взгляд: «Откуда появились здесь эти уроды? Одеты хуже бомжей, даже в Красном кресте таких вещей не раздают. Наши наркоманы с привокзальной площади и те куда нормальнее».

Так для кого, вы думаете, старые гансы, я нацепил на себя этот кислотный адидасовский костюм? Чтобы баб в нем кадрить? Я надел его, чтобы вы, уберменши, отводили взгляд. Проходите мимо. Extra для вас! — выгляжу так, словно меня вам уже не спасти.

* * *

Я помню, как учитель истории пытался учить меня жизни. Sergej, почему Вы пропустили в этом году так много занятий? Sergej, история всегда была Вашим любимым предметом.

Сергей Симонов родился в 1985 году в Москве, с 1997 по 2005 г. жил в Германии, окончил там гимназию. Живет в Санкт-Петербурге. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Да мне насрать, что ты думаешь. Вот я смотрю, ты уже не пытаешься втирать мне свои истины. С тех пор, как ко мне в школу начали приходиться русаки наши — в спортивных костюмах, а не в модных толстовках и с гелем в волосах. Списал меня со счетов, видать. Мол, я скорешился со своими соплеменниками из «главной школы». У нас же тут гимназия, у нас тут дети из бюргерских домов с участками. Ты мог дружить с нормальными местными ребятами, но сошелся с детьми этих козлов понаехавших. Да не смогут они интегрироваться, понимаешь? Так и будут пахать на заводах, как их собратья из Турции и Марокко. Тебе это надо? Вкалывать на нас с выходцами из Казахстана и Турции?

А мне насрать, что он думает. Что ты предлагаешь мне, учитель? Играть два раза в неделю в футбол с Thomas и Markus? Обсуждать бундеслигу и одноклассника Павла из Польши, который ведет себя как придурок? «Павел такой тормоз».

«Вот ты, Sergej, нормальный, я вообще не могу представить, что ты три года назад не говорил ни слова по-немецки. Вот как, Sergej, такое может быть? Ты приехал три года назад из России и дружишь с нами, играешь с нами в футбол, GTA. А посмотри на турок. Они живут тут уже второе поколение». — «Если не четвертое». — «Да, если не четвертое. А ведут себя как ушлёпки с марса».

«Да, Thomas, мне тоже это непонятно».

Да всё мне понятно, учитель. Всё. Хочешь, я расскажу тебе, как я пошел в школу, в эту гимназию, когда мы только переехали в Германию? Да ты и так знаешь. Как дети из ухоженных домов подкладывали мне тамагочи в портфель и говорили «русский нас обворовал», а классный руководитель вызывал моих родителей? Пытался ли он разобраться, увел ли я их тамагочи или же все эти тамагочи, дебилные компьютерные игры мне никогда не были нужны? Потому что я никогда не играл с этими пидорскими игрушками. Никогда. Нет, он не пытался разобраться. Это Sergej, из нищей России, еле выучивший Guten Tag и Auf Wiedersehen. Он украл, да. Ему не по себе, что у всех его одноклассников дома компьютеры, их родители живут в отдельных домах с садами. Он позавидовал, это естественное чувство, но воровать нехорошо. Вы понимаете?

Thomas и David на каждой перемене орали мне вслед «дерьмовый русский». Хамону они кричали «дерьмовый иранец», пока тот не саданул Thomas до крови. За это Хамона погнали из гимназии: чурка не должен избивать детей из домов с участками. А я молчал. Я остался в гимназии и подружился с Markus и Thomas (Thomas № 2). И обсуждал с ними после школы одноклассников — Павла, Хамона, которого вышвырнули. «Ну, он реально перегнул палку. Все-таки надо уметь себя контролировать, я никогда еще не видел такой драки. Хоть этот Thomas и козел, конечно», — сказал Thomas-2. Да, драк у нас в школе практически не было. Дрались, в основном, в «главной школе», где учились почти одни русаки и чурки. Вот и Хамон теперь там, дерется, наверное, часто.

«Sergej, у тебя когда-нибудь была девушка?» — спрашивает Markus. Ты знаешь, Markus, пока вы тут играли в компьютерные игры и тайком мечтали подрочить на родительское порно, я уже сосался с девочками в московских дворах. Когда мне было одиннадцать. У меня была любовь — Света, мы играли с ней в «насилки» дома у моей бабушки: я должен был засунуть ей в рот язык, а Света как бы сопротивлялась. Мы целый день проводили во дворе, мы были вместе, мы дрались, влюблялись и учились человеческим взаимоотношениям. Да-да, Markus, мы влюблялись и любили. Когда нам было по одиннадцать лет. Мы курили с Саней тайком на гаражах, потом Саня и его друзья избивали меня, потому что Санин друг считал меня недостойным. Я бесцелные вечера подряд пропадал во дворах со Светой и ее подружкой Ксюшей: Ксюше я нравился, но мне нравилась Света. Во дворе мы часто играли в футбол, Markus, но помимо футбола мы играли еще в десяток других игр каждый божий день. Потому что вместе мы проводили с двух часов дня до одиннадцати вечера. Не веришь, Markus? Сколько времени ты проводишь со своими друзьями? Четыре часа в неделю?

А тогда, в одиннадцать лет, моя жизнь была в десятки, в сотни раз интенсивнее, чем сейчас. И да, Markus, у меня уже была девушка — в то время, в том возрасте, когда ты даже не трогал еще свой член. И буря эмоций, неподдельные страсти были, дружба, любовь. Всё это было. И закончилось в феврале девяносто седьмого, когда я переехал к вам, в Германию, Markus. Когда меня вырвали из России и привезли в вашу страну, ненавистную, гнидную Германию.

«Sergej, так у тебя когда-нибудь была девушка?» — спрашивает Markus. «Ты знаешь, Markus, я недавно познакомился с Dorothea из Дерендорфа. Она наполовину мексиканка. Мы с ней целовались». — «Ничего себе. Она красивая?»

* * *

«Что, Серёга, давно тут зависаешь?» Армян. «Да, час уже тут херней страдаю. Гансы проходили старые, уставились на меня, короче. А я палкой долблю по железяке, они втопили».

С Markus и Thomas я подружил недолго. Мы с матерью переехали в другой район, где жили практически одни выходцы из бывшего Союза и Румынии. Еще там жили асоциальные немцы, так называемые Asi. Сравнительно молодые, с четырьмя и пятью детьми, хотя в среднем немцы рожают в лучшем случае одного-двух к сорока годам. Все должно быть продумано и вовремя. Сначала учеба, университет, потом карьера, а потом — и семья с детьми. Правильное западноевропейское взросление. Сейчас меня вырвет.

Я давно заметил этих ребят, непохожих на моих одноклассников из гимназии. Да я их знал прекрасно, я помнил Москву девяностых, только что закончившихся. Миллениум на Красной площади, недолгие минуты счастья в родной Москве, чтобы через неделю опять улететь туда, откуда я так мечтал сбежать. «Я устал, я ухожу». Они вели себя как русские, как лысый Саня из моего двора на Анадырском в девяносто седьмом. Они вели себя так посреди этих вылизанных улиц, посреди германского благополучия девяностых, когда в Германии еще не начали сокращать пособия по безработице и на довольном Западе еще не воевали с международным терроризмом.

Как же это штырило. Markus с гелем в волосах, играющий в компьютерные игры, еще недавно с тамагочи на шее (как последний пидарас!). Я пытаюсь смириться, сдружиться с теми, кого бы немедленно променял при возможности еще раз прожить то лето девяносто шестого или девяносто седьмого, на Анадырском, со своими московскими друзьями. Со Светой, с Ксюшей. Хотя бы одно лето.

И вот — они. Которые, казалось, жили здесь, в этой чудовищной Германии, так же, как жили у себя в Казахстане, Москве, Петербурге или Новосибирске. Никаких реверансов в сторону «новой родины», никаких компромиссов, «интеграции в общество». Я искал близости с их компанией.

Наворачивал круги вокруг детской площадки, где они каждый вечер собирались. По пять раз на дню выносил мусор, чтобы их случайно встретить. Конечно, они меня заметили. Как-то один из них подозвал к себе, я только выбросил очередную порцию мусора. Макс. «Как тебя звать? Сергей? Вон его тоже Сергей звать. Приходи сегодня на Spielplatz».

«Косяки куришь? Вообще не куришь? Ну, давай курнём, у меня деньги есть». Макс зарабатывал на карманные расходы разноской рекламных газет. Мы часто ему в этом помогали, но чаще сваливали большую часть тиража в канаву у железной дороги. У этой канавы, взобравшись на семафор, мы и раскурили мой первый косяк. Сидели на семафоре, в нашу сторону ехали поезда, и было ощущение, что поезд сейчас влетит прямо в нас. Невероятно страшно. Искренние эмоции.

* * *

Понимаешь, мать? Искренние эмоции. Ты всегда хотела для меня только лучшего. В Москве в девяносто шестом отменили несколько предметов в школе — некому было преподавать. Нищенские зарплаты учителей довели их до ручки, и некоторые забили на педагогику. Кто куда. А ты снова решила, что надо ехать в Германию. «Нельзя лишать ребенка образования и будущего». В девяносто первом мы уже переезжали на полгода в Дюссельдорф, жили в бараках из железных листов, убогое жилище. Как фавелы из фильмов про третий мир. И жили мы (родители — вчерашние инженеры, кооператоры, педагоги, сплошь образованные советские люди) вместе с нигерийцами, албанцами и марокканцами, которые, наверное, на родине никогда не посещали школу. Вот так оно, поколение моих родителей, верило в священный Запад. Так верило, что готово было делить барачную общагу с беженцами из самых убогих углов земли. Албанец назад не вернулся. Мать сказала в девяносто первом, что мы здесь жить не будем, и увезла меня назад в Москву.

В девяносто седьмом опять. Въехали по Fremdenpass, дословно — «паспорт чужого», или «негражданина», который позже ввели прибалты для русскоговорящих. Германские власти его нам выдали еще в прошлый приезд. Оказалось, эти «паспорта негров» в ФРГ отменили, и они уже недействительны. Отец этого не знал. Их можно было бы поменять на новые документы, если бы в прошлый раз мы не вернулись обратно в Москву, что было запрещено. Беженцам нельзя уезжать обратно на родину, иначе какие же это беженцы? Так что нас с матерью посадили в каталажку при аэропорте для нелегально въехавших, вместе с неграми буквальными. На следующий день депортировали в Россию.

Но мама не сдалась, она твердо решила эмигрировать. Боротся за мое светлое будущее. Въехали повторно, теперь уже осознанно нелегально, на туристическом автобусе. И просто остались у друга отца, вновь подали документы на получение статуса беженцев.

Отец, ты знал, что этот твой друг трахал мою мать тогда в этом доме, в котором мы жили?

Мать, ты знаешь, ради чего все это было, все эти годы в Германии? Нет?

* * *

«Салам, пацаны». Рыжий. Видишь, сидим на перилах, как обычно. Как каждый вечер. Собираемся вместе, в кепках «хулиган». Вокруг благополучный Запад и аккуратные вымощенные дорожки. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Вокруг сверстники-немцы в рубашках поло, немцы в рэпперских толстовках с капюшонами. Так, как мы, не одевается никто. Не выглядит никто. Нас от этого прёт.

Пойдемте к Люде, пацаны. У Люды мы прогуливаем школу. Старая немецкая алкоголичка лет пятидесяти, живущая в соседнем доме. Макс давал ей в рот, она пекла для нас булочки и дарила мне шоколадки. Она была в меня влюблена. Я ей в рот не давал, мы курили у нее дома из ведра, потом она сидела на низенькой табуретке-подставке для ног и дурашливо хихикала. Мы плевались в нее испеченными ею булочками, драчили на ее шубу. До нас у Люды зависали поляки-наркоманы, те ширялись, а однажды разгромили всю хату, побили стекла. С тех пор она предпочитала полякам нашу компанию, русаков по тринадцать-четырнадцать лет. Мы бухали у нее дешевое пиво и курили, да. Lydia. Я до сих пор помню ее фамилию.

Рыжий был из казахстанского колхоза. До приезда в Германию Рыжий скакал с односельчанами на лошадях по степи, он едва ли выезжал из своих сельских мест. Он смешно коверкал русские слова. *Побройся. Заместо.* Тут он ходил в «главную школу» вместе с Олешкой — Щеглом. Олег Лисицын, родом из-под Алма-Аты,

Елена Албул

Запах кофе

Рассказ

Повезло вчера, что в купе кроме нее оказались только мужчины. Женщины бы сразу начали общий разговор, завалили бы стол припасами, курица традиционная появилась бы... Но повезло. Отгородилась молчанием, и никто ее не беспокоил. Один дядька как вечером залег спать на верхней полке, так до сих пор и не вставал, а через полчаса прибываем уже; двое других — пролетарского вида пенсионер и аккуратный юноша, видно, студент, — хотя и продолжали начатый вчера разговор, но делали это тихо, стараясь не мешать сидящей у окна неулыбчивой попутчице.

Говорил, в основном, пенсионер.

— ...А потому что разбаловались все, без твердой руки нельзя. Давно пора бездельникам хвосты-то поприщемить. Видишь, как тут у товарища Андропова сказано, — он зашуршал лежащей на столе «Правдой». — Вот: «Решительнее повести борьбу с нарушителями партийной, государственной и трудовой дисциплины».

Парень тоскливо покивал — филиппику против нарушения дисциплины он слышал еще вчера. Но деда безразличие собеседника не обескуражило, и он со вкусом повторил:

— Решительнее! Вот ты слышал, что теперь днем в кинотеатре документы у людей проверяют? И правильно — потому что почему не на работе?

— Я учусь, — мрачно сказал парень, видимо, подозревая, что вопрос не вполне риторический.

Ираида встала и вышла в коридор, с сочувствием поглядев на студента.

Почему, интересно, в детских книжках колеса поезда стучат «чук-чук, чук-чук»? Ведь не похоже совершенно. Она прислушалась: «то тут, то там, то тут, то там». Вот так правильно и вполне по-железнодорожному — сегодня тут, завтра там... Каково это — жить на колесах под бесконечное «то тут, то там»? Спать на узкой жесткой полке? Сама-то она не заснула ни на минуту.

Голоса за дверью купе забубнили громче — дед, видно, почувствовал себя свободнее без женского присутствия. «Раньше с такими-то не рассусоливали», — услышала Ираида его голос и, поморщившись, отошла подальше.

Поезд начал притормаживать. Ираида вгляделась в ликующее майское утро, потом прислушалась к себе — главным чувством было раздражение, и это раздражало еще больше. Не то это настроение, с которым едут к умирающему отцу.

Отца она не любила.

Елена Албул — поэт, прозаик, музыкант. Родилась и живет в Москве. Окончила ГМУ им.Гнесиных по специальности «скрипка». Печаталась в журнале «Октябрь».

В «Дружбе народов» впервые выступает как прозаик.

За окном потянулись пакгаузы, склады, старые вагоны, просто мусор — вся та непарадная часть, с которой начинается встреча с любым городом, если въезжаешь в него на поезде. Пассажиры засуетились. Ираида вошла в купе.

Похоже, разговор по поводу выступления нового Генсека закончился естественным образом — трое попутчиков, включая и проснувшегося, наконец, обитателя верхней полки, сворачивали матрасы. Ираида подхватила свою небольшую сумку, перекинула через руку плащ и пошла к тамбуру.

— А постель-то! — кинулся за ней дед.

Она обернулась.

— Уборка постелей входит в обязанности проводника.

Сонными утренними улицами ехала Ираида по городу, который после страшного военного Ленинграда стал ей родным. Когда в конце сороковых отца отправили служить в Германию, он выписал в заштатный Вюнсдорф всю семью, но город терпеливо ждал их возвращения и принял снова все в том же доме, выходящем фасадом на центральную площадь. Здесь прошла ее юность. Отсюда она уехала, чтобы больше не приезжать, ну разве что по каким-то исключительным поводам. Вон он, их дом, желто-белый, нарядный. Импозантный даже. Что она там увидит?

После смерти матери отец стал пить, — она знала это от сестры. Личная жизнь у сестры протекала так бурно и по такому прихотливому руслу, что прибиться к какому-нибудь берегу у нее не вышло, поэтому она так и живет в родительском доме. Ираида регулярно звонила, но все чаще попадала на соседку Клаву — та после смерти матери взялась шефствовать над осколком когда-то известнейшей в городе фамилии. Клава-то и позвонила вчера утром — приезжайте проститься.

По широкой лестнице Ираида поднялась на второй этаж. Генеральский, с гордостью говорила когда-то мать. До генерала отец, правда, не поднялся, остановился на подполковнике, но это все равно. Абы кого сюда не селили.

Вот и знакомая дверь, высокая, филёнчатая. Рука замерла на полпути к звонку. Наверное, лучше стучать.

Она постучала.

— ...И не сомневайтесь, Ираида Андреевна, он под полным присмотром, я и уберу, я и приготовлю, — суетилась Клава, низенькая, плотная, с таким же низеньким и плотным седым пучком на голове.

Ираида привычно напряглась, услышав свое имя. Она его с детства терпеть не могла и всегда представлялась Ириной. Смешно вспомнить, что когда-то, в университете, это имя привело в восторг преподавателя логики.

— Так вы не Ирина, вы Ираида! — с энтузиазмом воскликнул он, взяв в руки ее зачетку. — У вас редкое, замечательное имя! Вы знаете, что оно означает? Дочь героя!.. Говорите, отец назвал? Он знает греческий? Просто так такие имена не даются. Хотя в святцах оно, конечно, есть, но кто ж по святцам сейчас называет...

Ага, греческий. Еще латынь и французский, как же... Сирота крестьянский: детдом, Военная Академия связи — и офицером на фронт. Всю жизнь в армии, а потом на радиозаводе, как в отставку вышел. Вот русский он отлично знает, особенно матерную его разновидность. Дома, правда, ни слова из этой разновидности себе не позволял, заменял щадящими вариантами, но на заводе вовсю пользовался. Она сама год простояла в цеху серебрильщицей, отец заставил — пусть, мол, после школы поработает сначала руками, чтобы нос не задирался, а потом уж в университет поступает, так что Ираида знала отцовскую манеру хорошо. Знала, правда, и то, что все начальство на отца чуть не молилось: дисциплина у него на участке железная, никогда никаких сбоев, чтобы случаи пьянства какие, так этого и в помине нет — боевой офицер, как рявкнет... Но рявкал он редко, ему по большей части достаточно было взглянуть исподлобья, и у проштрафившегося работяги навсегда пропадала охота

что бы то ни было нарушать. Женщины в их цеху смотрели на отца с большим почтением — уважали силу.

А Ираида не уважала.

Да уж, «дочь героя». С чего это герой Андрей Тимофеевич решил так выпендриться? Младшую дочь так вообще назвал Риммой, и тут как ни старайся, не переделаешь. Но сестра как-то терпела. Или ей это было безразлично. Она вообще ко многому относилась легко, даже на пианино учиться была не против. Ираида хорошо помнила эти уроки в Вюнсдорфе: маленькая испуганная немка осторожно касалась рук дочерей солдата-победителя, поправляя постановку. Фройляйн занималась с ними одновременно, на отдельные уроки денег не хватало. Да пусть бы все время уходило на Римку: Ираиде это пианино было поперек горла, ей бы в бассейн или на волейбол, да разве с отцом поспоришь? Как-то она сказала, что не будет играть Бетховена, потому что он же немецкий композитор, и тут же получила затрещину и еще несколько бетховенских пьес в репертуар. Вот и поспорь... Он проверял: подходил к двери, смотрел немигающим взглядом, так что у Ираиды дрожали пальцы и она сбивалась. А Римка ничего, бойко тыкала в клавиши, пусть и мимо нот, зато с улыбкой. Все ей было нипочем, знала, что любимица.

Ираида не завидовала сестре. Но всегда чувствовала сестрино особое положение. В блокаду их еле успели вывезти, мать до последнего сопротивлялась, не хотела расставаться с отцом, хотя тот из Главного штаба уже почти не выходил — связисты работали без отдыха. И как оно так получилось, теперь не узнать, но маленькую Римку в суматохе эвакуации потеряли, и мать чуть не сошла с ума. Отцу сообщили только после Победы, он организовал поиски, всех поставил на уши... Ираида уже совсем не помнила сестру, ей самой было тогда всего восемь, как вдруг появилась незнакомая девочка, в которой ей велели признать Римку. Девочка стояла насупившись и прижимала к животу облезлого уродливого зайца. Видно было, что она никого не узнает. А это Ирочка, ты помнишь Ирочку, всхлипывала мать и с отчаянной надеждой оглядывалась на старшую дочку. Но и старшая стояла с поджатыми губами, неприязненно глядя на зайца. Отец успокаивал: ничего, привыкнут, подружатся. А ведь к нему самому тоже надо было привыкать: этого хмурого военного дядьку Ирочка совсем не знала. Поэтому она была не против, что чудом нашедшаяся девочка надолго стала центром семьи Герасимовых. Потом, конечно, и привыкли, и подружились... Вот только все, что Ираида ни делала, должно было теперь у нее выходить на пятерку, другого результата отец не признавал. А лучше на шестерку. Потому что старшая и потому что не пропадала.

К младшей с такой меркой не подходили.

— Спасибо, Клава. Нет, у меня никакого чемодана нет... А Римма где?

Клава, не отвечая, тянула ее через темную прихожую в кухню. Ираида покосилась на закрытую белую дверь, за которой, она знала, лежит отец, но позволила себя увлечь. Да, оттягиваю, призналась она себе. Сейчас. Кофе только выпью.

— ...По-соседски, ведь столько лет вместе! И с матушкой вашей, Царствие ей Небесное... Такая хозяйка была, так Андрея Тимофеича обихаживала! Как сестрица-то ваша... ну, болеть стала, так я каждый день тут. Она, не в упрек будь сказано, все тут запустила, конечно...

— Пьет? — Ираида перевела разговор в плоскость другой терминологии.

— Случается... — Клава прямо смешалась от такой вопиющей неделикатности. Но тут же встала на защиту нелегкой женской доли: — От несчастной судьбы это. Ведь такие испытания у нее всю жизнь!..

Испытания Римкиной взрослой жизни заключались в череде роковых влюбленностей, каждый раз кончавшихся абортom, и периодических запоях, которые кончались так же предсказуемо — потерей работы.

Александр Димидов

СТЕРВЫ

Рассказ

Лена Брянчикова родилась в Михайловске, в брежневские времена, когда Екатеринбург был еще Свердловском. Отец ее работал мастером прокатного цеха на местном заводе по производству фольги. Мать — бухгалтером при писчебумажной фабрике. Лена была младшей из трех детей. Семья Брянчиковых жила в добротном деревянном доме, поставленном пятьдесят лет назад дедом Лены — Семёном Брянчиковым. Держали подсобное хозяйство: огород, сад, птицу. Жили вровень со всеми. Ни в чем особо не нуждались.

Сьюзан Найли появилась на свет в тот же день, что и Лена, в городе Риджуэй, штат Айова. Ее отцом был фермер-протестант. Матерью — медсестра в госпитале Святого Антония. Дом, в котором жили Найли, достался отцу Сьюзан по наследству. Все еще красивый двухэтажный особняк, метров на пятьдесят отстоявший от хозяйственных построек. Отец был потомственным агрономом. Подряжался выращивать кукурузу, овес, пшеницу, горох — и многое другое, в чем была потребность у оптовых продавцов штата. Иногда он отгружал свою продукцию соседям — в Иллинойс или Канзас. Последний чаще других страдал от засух, ураганов и пылевых бурь. Так что канзасские фермеры порой вспоминали индейское проклятье: демона, слизывающего плодородную землю.

С семи лет Лену отдали в музыкальную школу по классу фортепиано. Отец купил старое пианино, и впятером, с соседями, сгрузив с заводского ЗИЛа, его внесли в дом, установили в гостиной. Частное пианино в Михайловске было в диковинку. Обычно таких усилий требовала мебель при переезде с места на место или вынос покойника. Лена занималась по вечерам. Дважды в неделю она посещала музыкальную школу, где молодой педагог Тамара Андреевна учила ее держать осанку и правильно ставить руки.

Начальная школа, в которой училась Сьюзан, находилась в пятнадцати милях от дома. Каждое утро напротив посыпанной гравием дорожки останавливался школьный автобус. В нем уже сидели дети других фермеров. Сью устраивалась подальше, в самый конец, и редко с кем-то разговаривала. Это время она использовала для чтения. Читать Сьюзан любила, а заниматься домашними делами — нет. Но жить на земле значило так или иначе принимать участие в фамильном деле. Этот уклад передавался из поколения в поколение. Поэтому Сьюзан рано поняла, что уедет из дома, как только

Александр Димидов родился в 1972 году в Черновцах (УССР). Магистр филологии (преподаватель русского языка и литературы), дипломированный переводчик с английского языка. Печатался в журнале «Новый Берег». Живет в городе Эймс, штат Айова, США.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

повзрослеет. Она училась хорошо не потому, что ей нравились предметы, а преследуя свою тайную цель. Хорошие отметки открывают дорогу в большой мир.

В старших классах у Лены появилась первая любовь — мальчик из параллельного класса Коля Симонов. Оказалось, все это время они ходили в школу и возвращались из нее домой одной и той же дорогой. Однажды Коля отогнал от Лены бродячую собаку. Так и познакомились. Коля был на год старше. Он носил Ленин портфель и давал ей списывать домашнее задание, когда она не успевала сделать его сама. Почерк у него был крупный, размашистый. Коля занимался спортом, был капитаном классной футбольной команды и из года в год поддерживал марку круглого «хорошиста». В школе поползли слухи. Некоторое время их дразнили «женихом и невестой». Они договорились, что будут выходить из школы и приходить в нее порознь, чтобы не давать повода дуракам.

Отец Сьюзан понимал, что заставлять дочь заниматься хозяйством из-под палки — глупая затея. Крупные агрохолдинги все больше наступали на частные фермерские хозяйства. Отслеживая эту динамику год за годом, отец свыкся с мыслью, что однажды передаст свои акры в пользование каким-нибудь толстосумам за гарантированную ренту. Это противоречило фермерскому духу, который все еще жил в нем, но избавляло от необходимости нести риски, тратиться на удобрения и всю свою жизнь следить за погодой. В дочери ему нравились ее пунктуальность, напористость и рассудительность. Прекрасные качества для менеджера. Жаль, что применять их ей, скорее всего, придется в чужих краях.

Он согласился оплатить половину стоимости обучения в колледже, плюс полный пансион. За год до окончания школы Сьюзан получила родительский подарок ко дню рождения — подержанную «Тойоту Королла» с приемлемым пробегом, в очень хорошем состоянии. В тот же день она бросила своего парня Грега, внимательного, застенчивого юношу, потому что больше не нуждалась в его колесах. Впервые у Сьюзан появилась возможность покинуть родительский дом самостоятельно и не зависеть от чужого транспорта. Нечего и говорить, что свой первый автомобиль она боготворила.

Лена мечтала стать врачом. С распадом Советского Союза родители — с разницей в полтора года — оказались безработными. Заводы закрывались по всей стране. Старшие братья — боксеры — подались в Москву. Отец — в Екатеринбург на заработки. Мать стала распродавать на местном рынке запасы канцелярии, которыми ей несколько последних лет платили зарплату. Лена поступила в мединститут, сама, с первого раза. Чтобы помочь семье и иметь возможность прилично одеваться, она стала подрабатывать в ночном киоске на промзоне. Хозяином киосков был армянин Давид. К Лене он не приставал и платил исправно. Он знал ее братьев.

Лена рано поняла, что рассчитывать нужно только на себя. Государство, которому посвятили всю свою жизнь ее родители, перестало существовать, а то, которое родилось ему на смену, плевать хотело на ежедневные потребности живущих в нем людей. Каждый выживал как мог. В городе часто отключали свет. Иногда Лене приходилось торговать при свечах. Железный, обложенный внутри пенопластом и липовой вагонкой киоск быстро остывал на ледяном ветру, и чтобы не замерзнуть, Лене приходилось кутаться в матросский бушлат, согреваться спиртным. Однажды ее положением воспользовался сменщик, пришедший раньше обычного. Вино и свечи, молодой парень с ненасытным блеском в глазах. Она отдалась почти добровольно, неожиданно обрадовавшись мысли, что перестанет быть недотрогой.

В колледже Сьюзан заработала репутацию зубастой расчетливой стервы. Она сразу оказалась на хорошем счету у преподавателей, поскольку всегда улавливала суть вопроса, доходчиво излагала нетривиальные взгляды и последовательно их

Михаил Каганович

Так люблю

Вертен

Задирали небесный полог архангелы, чтоб из глубины страны
Заглядывали пастухи. Дароносцы-волхвы рядом с верблюдцами
Преклоняли колена. Сновали планктонные ангельские чины
С глазами — полными слёз и страдания блюдцами.

Утекали сонмы солдат на смиренный покос. Когорты рабов из труб
Пароходов колымских и крематориев клубами вываливались маслянистыми, —
Эпилептической сажей обметанных кирпичных и медных губ,
Триумфально курящихся истинами истыми...

Но чем ближе к касанию бездны, тем время растягивается длинней...
Стлать соломку самим себе и друг другу, Младенца мучениями:
Подрастёт — и распнём, и спасёмся... И станет ясней

Наших вежд всепроницающее свечение.
Я — от имени бесов, Тобою вселённых в обыкновенных свиней.
Лишь отбился от стада. В отчаянии отречения.

* * *

Снился странный Гефест. Он ковал мне доспех.
А меня разбирал то ли лай, то ли смех.
Он шипел по-кошачьи. Он в чайчий крик
Обрывался, тот, медью смердящий старик.
То ли бог, то ли ужас. С лицом — до краёв —
Как кумыс в пиале. Прапорщик Воробьёв,
Мой стройбатовский взводный. В маслинах зениц —
Стон, раифский, ордынских крещёных станиц.
Русакам, ни татарам, ни мне — не чета.
Даром — крест на груди, да в зрачках — дурнота.
Всё мне поножь ковал — вроде медных бахил.
Без подошв и без пяток, ты — типа — Ахилл...
Чтоб от смеха и страха я лял во сне:
Сребролукий, как есть, стосковался по мне...

Каганович Михаил Вениаминович — поэт, прозаик. Родился в 1956 году в Москве. Автор книг стихов «CREDO» (М., 2008) и «Неправильные сонеты» (М., 2018), двух книг прозы «Начало романа» (М., 2009) и «На конной тяге» (М., 2009). Живет в городе Беэр-Шева (Израиль).

* * *

Так люблю, что всей грудью на дверь навалюсь! И с порога я...
Рухну в трухлую нежить кирпичного мяса колен.
Я, мычащая в чаще оврага вражина — скотина безрогая.
Приплетусь. И дои меня вусмерть... А после — по горлу и в тлен,
Потому что любовь и мычанье — от маменькой петой комолости
Речки Сквирни и призрака церкви — с бурьяном окрест, — где легли —
Все свои, лет за двести. Вишнёвой, на топку изрубленной волости...
До пенька — в дым ушедшем уезде, избытой Рязанской земли —
Риму третьему тут не гулять, Вавилону не ставить коровники...
Всю скудель извели, чтоб с карачек привстать до стрехи?
Не о том ли скрежещут покойники-единокровники...
Только тёмно — Создатель смешал матерщину за наши грехи.
Лишь, с погоста сбежав, ближе к ночи цепляют шиповники.
Да стерлядки на нерест нейдут — больно шуки в осоках тихи.

Кыргызский сонет

Галине Климовой

В Москве ложится только пятый снег.
И так лежит пушистый и немятый
В своём законном праве — он ведь пятый! —
Весь в белом. И, как белый человек,
Ждёт дворника. А тот — кыргыз кургузой —
В айфоне. Трёт с памир-тяньшаньской музой
О чём-то горестном. Ему ли убирать? —
Он и в уме неймёт махать лопатой...
Урус шайтан — сам под пятою — пятый
Снег заставляет, словно скот, считать!
Усталый раб — в обитель чистых нег...
Назад. Навзрыд. Жене? Отцу? Аллаху?
Сейчас он встанет — тяжело, как на плаху...
Поддохнуть проще в пятый этот снег.

* * *

Алле Левиной

«Вот так и уходят. Один за другим.
А нас оставляют сиротствовать. В поле».
Ни хлебом единым, ни небом... Одним
Лишь пресуществленьем покоя и воли.

Влекумы. Ведь здесь ощутить не дано,
Что там, где умопомрачительны числа,
Распахнутым взором за грань, как в окно,
Шагнёшь — через звуки, виденья и смыслы —

Колбаской-по-спасской, пустым колесом,
Стремглав, словно в детстве... Совсем невесом...
Над пёстро-весёлой толпой провожатых,

Что обод толкают и щиплют струны
Пространств мировых. Пузырями штаны.
По сторону ту. В пиджаках своих мятых.

Абу-Гош¹

Средь скал мы насадим маслины.
Их серо-зелёная сень
Исполнится кликом ослиным,
Лишь мглою подёрнется день.
Чтоб мамонта сколотый бивень
С листвою, тревожной, в окне
Метался... Чтоб бледный, как ливень
На пьяном небесном пшене,
Блажил за потомство Иуды,
Хлебнув сарацинской бузы...
Чу! — фаджра, звериного, чудо —
Рокочущих всхлипов басы:
Рассвет призывают верблюды
В брильянтовых бурках росы.

* * *

Хочу зелёные ботинки —
Сочней, чем в Троицу трава.
Чтоб у двуногих и скотинки
Слюною смыло все слова...
Чтобы ни му, ни ку-ка-реку,
Ни и-го-го-шеньки, ни хрю...
И лишь Всевышний кротко в реку
Глядит. А я в Него смотрю —
От ужаса забыв о страхе,
Себя предчувствуя в листе...
В чём мать... И даже без рубахи.
Одни ботинки в голове:
Зелёные, на босу ногу.
У всех свой дорога — к Богу.

¹ Черкесское селение близ Иерусалима.

Алексей Иванов

Рассказы из сванской тетради

Пожар в Бечо

Дом, громадный не только по сванским меркам, полыхнул сразу. Был сонный летний полдень, все замерло, даже злущие сванские пчелы обленились и перестали жужжать вокруг нас. Бесцветный и бездымный огонь был почти невиден: солнце не только заставило все замереть, но и лишило своего привычного цвета речушку, крутой берег на той стороне ущелья, серые сванские дома, неровные квадраты обработанной земли за ними, расчертившие противоположный склон, даже курчавый буковый лес выцвел. Только вершины дальних гор не поддались и плыли в белесой синеве, укрывшись легкой, прозрачной дымкой.

Мы с Вано Квициани сидели на камне, принесенном когда-то лавиной, и теперь медленно, но упрямо сползавшем вниз к Ингури. А, может, и не сползавшем. Но громадный, метров пяти в высоту круглый валун с приступочкой — скамейкой со стороны реки — был так красив, что без хорошей легенды он не мог обойтись. А что может быть лучше для громадного камня, чем его незаметное, но неустанное передвижение?

Все мужчины из клана Квициани любили посидеть на каменной скамейке, глядя вниз на Ингури, дома, казавшиеся отсюда игрушечными, маленьких человечков, лес на отрогах могучих гор и на сами вершины, то сияющие в немыслимой дали снежными шапками, то хмурые и насылающие оттуда, сверху, непогоду. Здесь, на каменной скамье, хорошо думалось.

— Пожар! — вскочил я. — Вано, смотри, дом горит!

Вано окинул меня долгим взглядом, как бы взвешивая услышанное, и кивнул.

— Пожар, — и снова уперся подбородком в отполированное руками навершие посоха.

Дом, что полыхал сейчас на той стороне ущелья, когда-то поразил меня размерами, так не сочетающимися с традиционными сванскими домами.

— Наш родственник, — сказал тогда Вано, — хороший человек! Лесом заведует!

— Это как? — удивился я.

Иванов Алексей Георгиевич родился в Ленинграде. Автор трех романов (в т.ч. «Опыт № 1918», — М., ArsisBooks, 2019 — в «ДН» опубликованного в 2017, №№ 5, 6, 7), нескольких повестей и рассказов. Печатался в журналах «Звезда», «Аврора», «Нева» и др., книги выходили в издательствах «Лениздат», «Советский писатель». Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 12.

— Лес каждый год рубим, — пояснил Вано, — а разрешение кто даст? Кто лес сажать будет? — Он помолчал. — Вот он и заведует. Кому сколько дров на зиму нужно... Саженцы привозит, учет ведет...

— Это он на саженцах такой дом заработал?

Вано промолчал, как молчал всегда, если не хотел обсуждать что-нибудь.

Вот и сейчас, глядя на горящий дом на противоположном берегу Ингури, он молчал, посасывая короткий прокуренный мундштучок.

— Надо пойти помочь! — сунулся я.

На дороге возле горящего дома появилась пожарная машина. Несколько людей в брезентовых костюмах раздвинули негустую толпу, раскатали шланги и засуетились возле машины.

— Пены нет! — прокомментировал Вано. — Будут из речки воду качать.

Шланг, протянутый в сторону реки, оказался коротким. И редкая цепочка людей принялась передавать из рук в руки ведра, которыми подростки черпали воду, по шиколотку зайдя в ледяное течение.

Картина была вполне сюрреалистическая: на ослепительном полуденном солнце бесцветно полыхали несколько строений, время от времени выбрасывая столбами сизый дым, подкрашенный языками пламени. Бездействующая пожарная машина выделялась красным пятном. Люди с ведрами, толпа женщин в черном и редкие, но явственные щелчки, похожие на звуки выстрелов. Я решил, что это камни, из которых сложены первые этажи строений в усадьбе «заведующего лесом», раскалившись от бесцветного пламени, лопались один за другим, выпуская в гудящий вихрь, поднявшийся над домами, густые автоматные очереди. Это были единственные звуки, доносившиеся с того берега.

— Камни лопаются, — сказал я.

Вано, по-прежнему опираясь подбородком на посох, даже не повернул головы.

— Патроны, — он принялся выколачивать свой мундштучок о скамью.

— Сколько же у него патронов? — удивился я.

Вано промолчал, глядя на пожар.

Один за другим с неравными промежутками раздались несколько глухих взрывов. Мы помолчали, потом Вано сказал:

— Гранаты, — и с протяжным стариковским вздохом вытащил свои любимые коротенькие сигаретки, прищурился на облачка пыли, взметнувшиеся над пожаром, и стал заряжать мундштук.

— Хозяина как раз дома нету, — сказал Вано после большой паузы, в которой ударили вверх два-три взрывных облака. — Уехал в Краснодар. Большое несчастье, — покачал он головой.

Сигаретка тлела, он качал головой, шурясь от жгучего солнца.

— Телеграмму получил, сын в армии в Краснодаре. Командир части просил приехать.

— Неприятности? — я уже стал привыкать к манере разговора Вано.

У сванов, служивших срочную, нередко бывали неприятности по службе: малые армейские чины почему-то любили сводить в одну роту стройбатов запальчивых мусульман-дагестанцев и решительных сванов.

— А он, — не ответил Вано, — собрался дочку выдавать замуж за одного... — задумался Вано, — одного из наших... в Тбилиси... В лесном министерстве работает...

Мы снова послушали поредевшие автоматные очереди.

— Приданое дочке собрал... Все деньги в сберкассе снял со счета, одних сапогов иностранных в Зугдиди купил три пары... И на зиму еще две... И золото по заказу привозили в магазин... спецмашина пришла... ин... ин...

— Инкассаторская? — догадался я.

Что-то изменилось на пожаре: столб огня поднялся выше, протяжный гул стал различим даже сквозь монотонный говор мелководной летом реки. Так ревут буйволы, учувя каким-то нюхом сход лавины.

— Горит хорошо, — вздохнул Ваню. — Он лес заготовил для дома молодым. Все чердаки и сараи пиленным лесом забиты. На просушку. Не надо было ему уезжать, — сказал он без паузы. — Не надо...

— Ты думаешь... — начал соображать я.

— Лес собрал, приданое приготовил, деньги с книжки снял, — принялся перечислять Ваню, — подарки из Зугдиди, из самого Тбилиси привез... нельзя было уезжать...

На пожарище ахнул нешуточный взрыв, обвалилась угловая часть каменного забора, черные клубы рванули в небо.

— Мина, — сказал Ваню, — противотанковая. Теперь пожарные пойдут разбирать, что осталось... Нельзя ему было уезжать...

И действительно, пожарные бросили курить, поснимали багры с боков оранжевой цистерны и исчезли за полусгоревшими придорожными зарослями.

Два года назад дальний родственник семьи Квициани (а кто в Бечо не родственник друг другу?) привез основательную партию саженцев дуба и бука и договорился с директором школы, тоже, разумеется, родственником, чтобы вместо уроков в последние школьные дни старшеклассники готовили землю для посадки, а мелкоту научили («Хорошее дело сделали», — одобрил Ваню) прикапывать саженцы в подготовленную землю на каменных осыпях. И поливать, таская воду из дальнего родника. Работу умело превратили в праздник, женщины сварили двух бычков, испекли лепешки-кубдари, и половина селения помогла детям и повеселилась по случаю окончания работы («Хорошее дело сделали!») и учебного года.

Но школьный бухгалтер, естественно, родственница, узнала, что директору школы перепали кой-какие деньги за участие детей в посадках. А умные люди сообразили: за всю работу деньги были заплачены «заведующему лесом», ну и у него осели. На переговоры отправился махвши¹, которого потерявший бдительность «заведующий» выставил из дома, заодно припомнив, что у махвши, уважаемого человека, всего четыре класса образования. Если не считать пяти лет советской тюрьмы-колонии. Правда, в два захода.

Целый год потерявший бдительность, но опытный «заведующий» лесом просыпался по нескольку раз за ночь и обходил посты дальних родственников, приглашенных для того из Сванской Абхазии. Те хоть и лежали на постах с винтовками, но считали работу, им порученную, придурью, а потому по ночам либо подремывали, либо, прикладываясь понемногу к араке, прикидывали дни, когда хозяин полностью рассчитается и можно будет уехать домой, — у каждого свои дела и свои заботы. Тем более что за родственную помощь деньги он обещал небольшие. Даже маленькие, если сказать честно.

Позже махвши, пригрозившему «завлесом», увезли зугдидские милиционеры, — припомнили ему какое-то давнее дело, будто бы связанное с лицври², и пошли один

¹ Выборный председатель общего собрания села.

² Кровная месть.

Герман Канабеев

Неделя

Рассказ

Понедельник

Так. Хлеб, молоко, яйца. На это хватит. Вот они лежат на полке. Три-четыре сытых дня. Андреев потянулся за канистрой молока. Полки с молочкой расфокусировались. Андреев так и замер с протянутой рукой.

«Доступно обновление», — появилось предупреждение перед глазами на фоне размытых полок с молоком, маслом и кефиром.

Андреев кивнул и прижался к стойке с чипсами, чтобы не мешать другим покупателям.

На днях обещали большое обновление, и не нужно будет вот так зависать и ждать, когда прогрузится реальность. Обновления будут устанавливаться в фоновом режиме.

Обновление, наконец, загрузилось и установилось. Андреев снова потянулся за молоком.

«Действие недоступно в бесплатной версии реальности. Пополните счет», — выскочило предупреждение.

«Да пошло всё!» — заорал на весь магазин Андреев.

«Нам важно ваше мнение. Помогите нам стать лучше, оставьте свой отзыв», — загорелось перед глазами красным.

Андреев выскочил на улицу.

Сегодня утром, перед тем как зайти в магазин, Андреев наслаждался редким для Москвы солнцем. Теперь небо было словно завернуто в полиэтилен. «Где это долбаное солнце?» — подумал Андреев.

«Солнце недоступно в бесплатной версии реальности», — прочитал он уведомление на фоне серого неба, и вдогонку: «Сеть магазинов "Тингам" приглашает вас на пятничную распродажу, для вас будут доступны: суповой набор, маргарин, сухари ржаные, водка, вода — независимо от уровня вашей подписки».

— Какой сегодня день? — спросил Андреев у мужика, прижавшегося спиной к фонарному столбу в ожидании загрузки обновления.

— Понедельник, — ответил тот.

Герман Канабеев — прозаик. Родился в небольшом городе на границе с Монголией в 1980 году. Испробовал множество профессий, жил во многих городах, нигде не оставаясь надолго. Автор романа «Я буду Будда» (2018, серия «Книжная полка Вадима Левенталея») и сборника рассказов «Кодокуши» (М., «Издательские решения», 2018).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

Андреев поднялся на свой этаж.

«Дверь не может быть открыта автоматически в бесплатной версии реальности», — мелькнуло перед глазами.

Андреев достал ключ из кармана куртки и открыл дверь.

«Девочка моя», — хотел сказать Андреев, но сквозь голосовое уведомление — «Уменьшительно-ласкательные недоступны» — прорвалось только:

— Жена!

Конечно, Андреев и без визуализации помнил, где и что в квартире, и без проблем прошел из прихожей в комнату. Он знал, что жена лежит на кровати, он знал, где стоит кровать, и несмотря на то, что перед глазами было сплошное размытое пятно расфокусированной реальности, он понимал и чувствовал, что она здесь, лежит на кровати такая красивая и недоступная в бесплатной версии реальности.

— Я говорила тебе, что больше не буду с этим мириться? — голос жены был спокоен, и спокойствие пугало. Обычно она всегда выражала свое недовольство бурно, если не сказать большего.

— Обещаю, я подпишусь на премиум аккаунт. Я обещаю, — сказал Андреев.

— А пока поживем так, да? Как ты это себе представляешь?

— Прости, я подпишусь.

«Звук отключен. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Андреев подошел к кровати и попытался прикоснуться к жене.

«Действие недоступно. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Ни слуха, ни зрения. Размытое пятно перед глазами и бесконечное мелькание уведомлений. Андреев знал, что еще минута, и даже эта тишина из-за отключенных Системой звуков скоро взорвется рекламными сообщениями. Еще минута, еще минута. Затем максимум полчаса, и придет полиция. А он уже и сказать ничего ей не может. Не может объяснить, зачем он это делает — не продлевает платный аккаунт.

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте службу поддержки», — высветилось перед глазами.

Через несколько минут дверь в квартиру открылась, и в тот же момент Система отключила Андрееву зрение. В кромешной тьме он услышал:

«Андреев Максим Анатольевич, бесплатный период пользования окончен, вы будете депортированы за пределы Системы».

Первое, что почувствовал Андреев, открыв глаза, — холод. Здесь, за пределами Системы, рекламные сообщения еще подгружались, но скорости не хватало, и он слышал только обрывки: «Лучшее предложение... успеете подписаться...»

Андреев начал замерзать.

«Вы нарушаете лицензионное соглашение и авторские права, ощущая холод», — высветилось Андрееву, но холод при этом никуда не исчез. Андреев посмотрел на небо. Небо было синим, высоким и безразличным.

«У вас нет прав на осознание неба».

Андреев знал, что жить ему осталось не больше часа. Сколько ему там по факту лет? Официально тридцать, но, когда он в последний раз запрашивал данные по факту, было двести сорок. Вне Системы организм возьмет свое так быстро, что Андреев и понять не успеет, что это такое — настоящее небо и настоящий холод. Андреев лег на снег. Спину обожгло холодом. Зимнее солнце падало к горизонту.

«Оранжево-красный цвет доступен после принятия лицензионного соглашения», — прочитал он уведомление. Но солнце оставалось оранжево-красным на закате. Будто и нет Системы, будто и нет никаких уведомлений. Второе солнце в зените пылало и грело, но Андреев не мог смотреть на него и не мог согреться под его

Евгений Степанов

Как младший брат травы

Одна идея

Не множество идей,
Всего одна идея!
Ночь выстоять и день,
В запасе час имея.

Я знаю: всё не зря,
И глупо быть сердитым,
Неглупо — жить, паря
Над липким, вязким бытом.

Не множество забот,
Всего одна забота:
Найти чудесный вход
В небесные ворота.

Я знаю: цель — не *тут*,
А *там*, в недалёких куцах.
А мёртвых нет. Идут
Они в рядах живущих.

Они со мной сейчас

Не степь да степь кругом,
А смерть да смерть кругом,
Как написал поэт Георгий Оболдуев.
Смерть лезет напролом,
Смерть лезет напролом,
Добычу, точно зверь, внезапную почуяв.

Но смертью смерть поправ,
Встает Спаситель, нрав
Смягчается большой-и-крошечной Вселенной.
И смерть бежит стремглав,
И смерть бежит стремглав
Из жизни воскрешённой и бесценной.

Я начал понимать,
Что живы брат и мать,
Они со мной сейчас, хотя в иных пределах.
И смерть уходит вспять,
И смерть уходит вспять.
И ангелы летят в своих одежках белых.

Степанов Евгений Викторович — литератор, кандидат филологических наук, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского пединститута, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им.М.В.Ломоносова. Президент Союза писателей XXI века. Автор книг стихов, прозы и многих публикаций в периодике. Живет в Москве.

Младший брат

Я знаю, что слова мертвы,
И дом стал старым, обветшалым.

Но я как младший брат травы
Сроднился с маленьким земшаром.

Дождь? Это здорово. Лучи
Сияют солнечные? Чудо.

Хоть целый день траву топчи,
Траве навряд ли будет худо.

Снег? Обожаю белый снег,
Покрывший спящие равнины.

Трава — снежинки — человек...
Мы все — едины.

Ввысь

Нет, я тоже не сумел
Смерть разделить под орех.
Время гонит на расстрел
Всех.
Виноват-не виноват —
Время всё равно убьёт,
Только не смотри назад,
Только не смотри вперёд.
Перепрыгнув через грязь,
Будь спокоен и молись.
И смотри, перекрестясь,
Ввысь.

Крест

Я живу, ни с кем не споря,
Не стремясь на пьедестал.
Поднимая гири горя,
Я устал.

Где порвётся? Там, где тонко.
Почести манят? Смешат.
И картонная иконка
Мне дороже всех наград.

Я живу, но всё наглее
Время дни-денёчки ест.
Слава Богу, что на шее
Неизменный медный крест.

Алексей Малашенко

Нелёгкое бремя идентичности

Ненаучные заметки

Запутался я со своей идентичностью. Я — русский, я — православный, я — европеец (долгой евразийство). Я был советским, хотя советскую власть не любил. Но ощущаю себя прежде всего москвичом.

Идентичность — хорошее, академическое слово. Но давайте скажем проще: идентичность — во-первых, это то, как я себя вижу (точнее, хочу видеть, что уже чуточку другое); во-вторых, каким видят меня остальные, а с ними тоже не все просто: одни завидуют, другие не любят. Чужая идентичность раздражает. Отсюда китайцев зовут желтыми и косоглазыми, французов — лягушатниками, темнокожих — черномазыми, а наших южных соотечественников — лицами кавказской национальности, намекая, что в этой национальности кроется что-то нехорошее.

Московская идентичность раздражает очень многих. Москвичи — самые богатые, самые успешные, самые наглые. И откуда только они берутся? Отвечаю: есть те, которые в Москве родились, но больше половины понаехало из других идентичностей: Ульянов-Ленин — из ульяновской, Иосиф Сталин — из грузинской, Никита Хрущёв — из украинской, Борис Ельцин — из уральской, Владимир Путин из вечно оппозирующей Москве ленинградско-петербургской. Вся эта публика, каждый по-своему, вписалась в столичную идентичность, омосковилась и даже с подозрением смотрит на коренных и потомственных обитателей столицы.

Моя московская идентичность размывается, растекается по времени. Она все более неприменима к современной столице.

Это не мое метро, по которому я когда-то разгуливал вслепую. Теперь я, как гость Москвы, сначала читаю надписи: в какую сторону ехать. Чувствую враждебность к огромной толпе людей. Не «понаехали тут», а «понаоставались тут».

Не люблю песню «Москва, звонят колокола...». Моя песня — «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля... кипучая, могучая, никем не победимая...» Конечно, конечно, — стопроцентный пропагандистский «совок». Но я вырос с этой «песней старого москвича». «Москва, звонят колокола, Москва златые купола...» — не мое. Песня хороша, слов нет. Но до горбачевской перестройки колокола осторожно звонили только на Пасху, а купола, кроме кремлевских, прятались в переулках.

Малашенко Алексей Всеволодович — российский востоковед, исламовед, политолог. Главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М.Примакова. Один из ведущих российских специалистов по проблемам ислама.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 1.

Часть моей городской идентичности — высотные дома с их колючими башнями, которые Василий Аксёнов в своей «Москва ква-ква» характеризовал как «величие архитектуры». Для моего поколения — да. Теперь с бизнесцентрами, с разбросанными, поставленными «на попа» коробками, моя идентичность чувствует себя униженной, что ли. С этими прямоугольными существами столица лишается своей интимности (если таковая вообще есть у столичных мегаполисов).

Не буду говорить за другие города, как они, осовремененные, воспринимаются старожилками. В провинции память, а значит, идентичность, сохранить проще. Да, в Екатеринбурге, Нижнем, Томске, Рязани, Иркутске она тоже размывается, но не с московской убийственной силой.

Существует комплекс неполноценности коренного москвича. Я чувствую эпоху рыбаковского «Кортика»¹, тем более что сейчас обосновался на Арбате. «Кортик» — это возврат в мою Москву, в которой в то время родилась моя мама.

Для мамы Красная Пресня, куда мы переехали в 1964 году, была окраиной. Я боюсь представить, как бы она восприняла нынешнюю Москву. Но вот чудо: моя бабушка хранила открытку с храмом Христа Спасителя. Однажды она сказала: его ты уже никогда не увидишь... Я его увидел. Однако это совершённое из самых лучших побуждений повторение не вписалось в мою идентичность. В ней навсегда остался зимний плавательный бассейн, построенный советской властью на месте главного собора.

Про московскую самую дорогую для меня самоидентификацию я поговорил. Касательно региональных чувств распространяться не собираюсь и перескачу сразу к идентичности русской, которую каждый, считающий себя русским, призван осознавать и соблюдать.

Она порой может выражаться странновато. Кто не видывал пьяненького мужичка, который, бия себя в грудь костистым кулаком, рычит: «Я, мать вашу, русский, да, русский я!» Доказывание русской идентичности часто сопровождается повышенными эмоциями, потребностью подтвердить силу русского «я». Это, согласитесь, созвучно сегодняшнему официальному определению России как великой *ядерной* державы. То есть главное достоинство нашей идентичности, а заодно и государства, заключается в силе, в «атомной бомбе». Раньше такой переизбыточности все-таки не было. С «советской идентичностью» связывались экономический и культурный успех, построение самого лучшего в мире общества — коммунистического. Внешняя же политика СССР, несмотря на некоторое количество «эксцессов» в Берлине, Варшаве, Будапеште, Праге, на Кубе, в обществе смотрелась вменяемой, не такой уж и агрессивной. Такая оценка стала меняться после бессмысленного вторжения в 1979 году в Афганистан.

Советская идентичность оппонировала русской, потребность в которой появлялась в критических ситуациях, таких как война.

Не хочу заумно рассуждать о том, что есть русская идентичность, опираясь на глубокие академические и публицистические изыскания. Сошлюсь на «простого» театрального режиссера Марка Захарова, который написал: «Наши гениальные историки и философы давно объяснили нам, под воздействием каких стихий и географических величин формировался великорусский характер. Равнинное существование с непредсказуемым количеством дождливых и солнечных дней очень располагало к мечтам о щуке, которая демонстрировала бы трудовую доблесть. “По щучьему велению, по моему хотению...” (Иногда вместо щуки всплывала золотая рыбка, скакал Конёк-горбунок — это уж я от себя).

¹ Увы, эта сноска необходима. «Кортик», удивительную повесть Анатолия Рыбакова, в которой описана жизнь «детской Москвы» 20х годов, сегодня мало кто прочтет.

Однако утверждать, что наши предки были лежебоками и лентяями, никак невозможно. В короткие погожие дни они развивали такую работоспособность, что на англичан и немцев смотреть было больно, я уже не говорю о голландцах. Славянское неистовство всегда было общепризнанным и уникальным...»

На этом месте цитату прерву — к ее концовке вернемся позже. Пока дополним текст Захарова словами одной двадцатилетней студентки: «Для меня русский — синоним простора. Простора не только географического, но простора чувств и эмоций. Русский человек и ленив, и страстен, и часто несобран. Способен и на низость, и на подвиг любви»¹. Это высказывание из замечательной книги «Народы перед зеркалом», интересной уже тем, что в ней представитель каждого из бывших советских народов размышляет о себе и своих соплеменниках честно, со всеми их плюсами и минусами.

Уместно вспомнить, что, например, такие люди как Чехов, Горький, и не только они, родной идентичностью не слишком восхищались. Скорее, она раздражала. Русская природа — да, а вот идентичность слишком уж неоднозначна.

Нелицеприятно воспринимать идентичность своего народа (если хотите, этноса) непросто, особенно если этот народ, подобно русским, претендует на нечто глобальное. В последнем случае в самооценке зачастую преобладают количественные параметры — много земли, много воды, много нефти, много танков. Наконец, много нас самих.

Забавно, но когда русский человек вдруг узнает, что в Пакистане, Бангладеш, Бразилии, Нигерии, не говоря уже об Индонезии, народу больше, чем у него дома, он поначалу отказывается в это верить. Тем временем нас, русских, становится все меньше и меньше. По экономике наша родина теснится где-то на 11—12 месте, рядом с Южной Кореей. Почему? Задайте вопрос Государственной думе. Впрочем, это бесполезно, потому что у ее депутатов — своя, «думская идентичность», которая их вполне устраивает.

Согласно привычным представлениям о нашей идентичности, мы — великий народ. Но сегодня, если оглянуться по сторонам, это величие вызывает некоторый скепсис. Поневоле вспоминается ставшее вечным «за державу обидно».

Наша идентичность не расположена к созидательности. На протяжении своей истории русским постоянно приходилось учиться. У кого? У «немца», иноземца, европейца. Учиться у чужака это — заимствовать, а еще и подражать ему, тем самым признавая собственную несостоятельность.

«Состязание» русской идентичности с европейской выиграно последней. Это по-своему ощутил Хрущёв, призвав страну и общество «догнать и перегнать Америку». Мы обречены вечно догонять. Никакой «национальный путь развития» догоняния не отменит. Он только столкнет страну совсем уж на обочину.

Кстати, российские монархи на приоритетах русской идентичности не настаивали. Они любили порассуждать о величии родины, но настойчиво учились у Европы и приглашали иностранцев — техников, врачей, учителей, «менеджеров». Царь Пётр в 1702 г. издал манифест, ставший «законом», государственным основанием для систематического ввоза на работу в Россию иностранцев.

На самом вершине русского общества, графья да князья на русскую идентичность обращали мало внимания. Они брезговали ее главным носителем — мужиком. Стремилась жить по возможности по-европейски, а некоторые даже предпочитали изъясняться между собой на иностранном сленге.

При удобном случае приобщались к иной идентичности и простые люди, например, так поступали в 1814 г. казаки в захваченном Париже, позже советско-

¹ Народы перед зеркалом. Редакция журнала «Дружба народов». Культурная революция. Москва, 2014. С.193.

русские люди удивлялись умению американцев работать на конвейерах. Один профессор по фамилии Александров заметил, что «если вы возьмете какие-нибудь наши стройки, на которых рабочие исчисляются десятками тысяч, и посмотрите на стройки американские, на которых я был, вы увидите, что там плотину в 120 метров строит 150 человек»¹. Советские граждане поражались ухоженности, чистоте европейских деревень. «Я даже не понял, что это деревня», — поведал мне однажды уроженец Тульской области, пришедший в 1968 году в Чехословакию для оказания братской помощи по спасению социализма. А тут, как на грех, еще и джинсы, виски и прочая разрушающая нашу идентичность, созданная ихней идентичностью занятая и полезная дребедень. Укреплялось понимание того, что они не только не такие, как мы, но кое в чем и лучше. Градус нашего самодовольства падает.

Философ Юрий Лотман заметил, что «регулярная смена моды — признак динамической социальной структуры»². Шире — это вообще изящный признак общего динамизма. Заметьте, в Россию мода *приходит*, а создается она в других землях, другими народами, нами она заимствуется, как и все новое, перспективное. Исключение, пожалуй, составляют литература и музыка.

Брезговал отечественной идентичностью и Владимир Ильич Ленин, пообещавший «задрать подол матушке России». Задрать-то он задрал, но ничего хорошего из этого не вышло. Навязываемая им и его коллегами классовая идентичность так же оказалась непродуктивной, тупиковой. Занятно, что разрушитель русской идентичности покоится в центре столицы. И убирать его оттуда нельзя ни в коем случае — пусть лежит как память о русских исторических и цивилизационных неурядицах.

Чем-то советская идентичность походила на некоторые негативные черты русской — например, сакрализацией власти.

Сакрализация власти штука скверная. Когда обычная власть становится «властью от бога», она не способна на реформы, она безответственна, разрушительна, хамовата и *несменяема*. Она зиждется на пресловутом терпении, которым отдельные отечественные философы, религиозные деятели и даже политики любят гордиться.

Представлять власть «священной» помогает религия. И православная церковь тому немало способствовала. Под русской идентичностью всегда подразумевается идентичность русско-православная.

Я верю в Бога, моя идентичность идет от веры, а не от ее атрибутов. Вера — идентичность общечеловеческая. У кого-то идентичность — неверие, атеизм, и они так же имеют право на существование.

Но... разве такая идентичность обязательно хороша? Именем Бога творилось такое — от инквизиции до бен Ладена, — что говорить об абсолютной доброте и справедливости такой идентичности не приходится.

Да и религия, сотворенная и отредактированная не Им, а Его творениями — человеками, давно превратилась в идеологию, причем очень часто в агрессивную. У всякой религии — завышенное самомнение. Православный — самый лучший, мусульманин тоже, а протестант лучше всех остальных вместе взятых.

Мы имеем дело с интерпретациями религии — и в соответствии с разными религиозными доктринами та или иная власть достойна сакрализации, или от нее нужно избавляться. В таком контексте исламское государство не лучше и не хуже православного или католического. Религиозная идентичность конъюнктурна.

Альтернатива сакрализации власти — тот самый бунт, который «бессмысленный и беспощадный». И который также вписывается в нашу с вами идентичность.

Пришло время дать договорить Марку Захарову: «Может быть, настало

¹ Цит. по: *Юрий Рубцов*. Мухлис. Тень вождя. Москва, «ЭКСМО», 2007. С.140.

² *Ю.М.Лотман*. Культура и взрыв. «Гносис». Издательская группа «Прогресс». Москва, 1992. С.125.

историческое время, когда собственным характером нужно не только любоваться, гордиться, упиваться его удаляю, но подумать, хотя бы в принципе, о его частичном изменении?»¹. Иными словами, скорректировать идентичность. Признать свою слабость очень трудно. Но надо, иначе будет хуже.

Готово ли общество к коррекции своей идентичности, сказать очень сложно.

Зато власть отдает приказ скреплять ее. Запустили в ход слово «скрепы». У меня оно сразу стало ассоциироваться со скрипами: это когда что-то скрипит перед тем как развалиться. Что скреплять — непонятно, как скреплять — тоже. Зато звучит красиво. Скрепы эти — что-то наподобие знаменитого брежневского «экономика должна быть экономной». Тот призыв тоже скреплял нашу отсталость. И доэкономились, доскреплялись.

И последнее. Чувствую ли я себя россиянином? Существует ли в полноценном виде российская нация? Скажем компромиссно — она формируется. На общенациональную идентичность мы не наработали. Она какая-то формальная, даже мнимая. В этом нет ничего обидного. Индийская, индонезийская, иракская, афганская, многие другие нации, даже китайская, продолжают формироваться. Это вечно длящийся процесс. В некоторых государствах — в Югославии, Нигерии, Судане — нации не состоялись.

«Россиянин» на иностранные языки не переводится. В заграничном паспорте у меня стоит Russian, и в таком качестве, с такой идентичностью я катаюсь по идентичностям заграничным. И буду кататься, считая себя русским, — объяснять таможенникам, что такое россиянин, ни к чему. Да им это и неинтересно — Russian есть Russian.

И самое последнее — про идентичность евразийскую. Что такое евразиец, никто не знает. Из евразийской политической доктрины евразийской идентичности не получается и не получится. Азиатской-то идентичности нет, а уж евроазиатской и подавно — от Камчатки до Бейрута, от Салехарда до Бомбея. Спросите у китайца или турка, евразиец ли он. Да он и слова-то такого не выговорит.

У русских евразийская идентичность совсем уж двойственная, если не сказать липовая. Евразийство в российской культуре — полуазиатчина, а то и просто азиатчина, ненавистная русской интеллигенции. Про нее с отвращением писали уже упомянутые и Чехов, и Горький, и Бунин...

Гумилевский вариант евразийства эффектен, но архаичен и бесполезен, разве что может быть упомянут в контексте кремлевской идеологической доктрины.

Хотите быть евразийцем, будьте им, только без меня. Я лучше Антона Павловича и Алексея Максимовича почитаю.

В общем, запутались мы, и потому напою вам, кто помнит, песню «С чего начинается родина». Там как раз про идентичность, которая начинается «с той песни, что пела нам мать... со старой отцовской будённовки (кстати, буденновка — это большевистская интерпретация, можно сказать, переименование, шлема русского воина), с заветной скамьи у ворот, с той самой берёзки, что во поле... растёт». Березками давно не самоидентифицируемся, в Канаде их растет не меньше. Скамьи у ворот сгнили — в стране почти 75 процентов составляет городское население, а уж про буденновку лучше вообще не вспоминать.

¹ *Марк Захаров.* Театр без вранья. Москва, АСТ изд. «Зебра», 2007. С.241—242.

Что в остатке? Какой окажется будущая идентичность? Не моя личная, не «русско-православная», не мусульманская, не западная, а вообще. Что будет с нашим самоопределением, куда нас всех понесет?

Грянула информационно-коммуникационная революция (ИКР), а с ней цифровой транзит. Это хуже (или лучше?) любого ковида. Вот я, мы цифровизуемся и тогда посмотрим, что от меня, от нас-вас останется.

Главная проблема цифрового транзита, по уверению политолога, моего друга Андрея Рябова, — «отсутствие инклюзивного социально-политического проекта, обеспечивающего развитие человека как социального и биологического вида». Согласен, но не совсем понимаю. Мне бы попроще — растолкуйте, как моя идентичность цифровизацией размоется и каким я себя буду чувствовать.

Говорят, что главной составляющей в идентичности станет стремление к личному комфорту, то есть к тому, чтобы было удобно жить. А что до социальных, классовых, межэтнических и прочих привязанностей, все это отодвинется в сторону.

Общество потребления, к которому мы только-только привыкли, трансформируется в общество развлечения, где главная ценность — внутренний комфорт. Отсюда идентичность становится вторичной, если угодно — безликой. Культура, в которой мы воспитывались и существовали, — все менее востребованной.

Но, по-моему, скроить одну-единственную идентичность вряд ли удастся. Ее не бывает даже при пожаре, на войне, пусть в такой ситуации возникает общая доминанта — выжить любой ценой. Однако и выживать можно по-разному, и, в частности, исходя из все той же идентичности.

Как заметила профессор политологии Ирина Симоненко, «еще несколько десятилетий тому назад это понятие (идентичность. — *А.М.*) было “собственностью” психологии, социологии и социальной антропологии. Сегодня концептуализация идентичности занимает заметное место в арсенале инструментов политического анализа»¹. Кто ж спорит?

Я же не претендую на академизм, я просто размышляю, хоть и по-домохозяйному. Это иногда полезно. Пусть каждый, кто прочтет эти заметки, уверует, что он умнее автора. Ощутить себя мудрее собеседника всегда приятно и полезно.

Вопрос, кто ты такой, что у тебя за идентичность, все равно останется до конца не разрешенным. Никогда.

¹ *Семененко И.С.* Идентичность в предметном поле политической науки. — Идентичность как предмет политического анализа. Библиотека Института мировой экономики и международных отношений. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010). Москва ИМЭМО РАН, 2011. С.8.

Георгий Панкратов

Я хочу проснуться...

Два эссе

У меня было два «параллельных» детства: с рождения и вплоть до старших классов школы большую часть времени я проводил в Севастополе (о нем — в отдельном эссе), но немалую — в Санкт-Петербурге.

Мыши в банке

Я замирал перед экраном.

— Послушайте этого парня, — говорил уважаемый телеведущий. Этой программы мы с родителями ждали несколько месяцев: главный канал страны, лучшая телепередача, передача-эталон, и в ней через какие-то секунды должны были показать меня! — который так все понимает и простым языком говорит.

Нас снимали весь день. Жильцов специально просили не выходить из дому, в особенности Илью, василеостровского дурачка лет двадцати пяти. Съёмка была на коммунальной кухне на фоне сдвинутых столов и расставленных вдоль длинной стены одинаковых газовых плит. Человек с камерой входил и медленно шел, снимая всех жителей, а нас было много, и останавливаясь на каждом. У меня, восьмилетнего ребенка, брал интервью лучший ведущий страны — Владимир Молчанов. Его очень интересовало почему-то, что я думаю о жизни в этой коммуналке, о своей детской жизни с родителями и о жизни России в целом. Странное интервью длилось долго и снималось в несколько дублей. Говорил Молчанов и с остальными жильцами.

Но вот, когда я затаил дыхание и уставился в экран, на нем возник черный занавес, за которым открывалась странная студия, посреди которой на стуле сидел бородатый мужчина в очках и с гитарой. Он запел хриплым голосом песню «Чёрный пёс Петербург», и внутри меня все упало. Целый съёмочный день в нашей огромной, двадцатипятикомнатной коммунальной квартире на Васильевском острове обернулся тем самым кадром на кухне, где все, застыв, стоят перед столами, как будто их фотографируют. Кадр длился несколько секунд и вряд ли представлял не только художественную, но вообще хотя бы какую-нибудь ценность.

Панкратов Георгий Витальевич родился в Ленинграде в 1984 году. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Урал» и др. Автор книг «Российское время» (СПб., 2019), «Мечта о прекрасном, несбыточном» (М., 2020). Проживает в Севастополе и Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 3.

Шевчука я слушать не стал: *мой* Петербург никогда не был черным псом, это сравнение наводило и до сих пор, с той самой картинкой из детства, наводит на меня оторопь. Да и вообще, я жил еще в Ленинграде, как, думаю, и вся наша коммуналка. Которая так и осталась в Ленинграде: и сейчас, проходя по Большому проспекту, я вижу на окнах пожелтевшие буквы SALE. Квартиру расселили ближе к концу девяностых, а найти новых обитателей оказалось не так уж просто.

Программа «До и после полуночи» с тем просмотром закончилась для меня навсегда. А вот другую, «600 секунд» Невзорова, я, наоборот, полюбил. Конечно, никто не хотел увидеть съемочную бригаду в нашей квартире из-за специфики передачи, но едва она начиналась, шумные кухня, длинный коридор и даже вечно занятые туалеты — пустели. Мне кажется, так происходило во многих квартирах. Программу «600 секунд» любили. Наверное, за то, что она показывала, что где-то есть жизнь еще страшнее.

Вдохновленный телепередачей, я рисовал босые ступни ног, выглядывающие с лестничного пролета: мне казалась ошеломительной операторская съемка с нижних ступеней, постепенно приближающаяся камера, открывающая, наконец, пытливому взгляду зрителя свежеспеченного мертвеца, павшего в какой-то низшего уровня бандитской разборке. Говорят, Невзоров удивлял всю Европу, делая предсмертные интервью: совал микрофон под нос хрипящему бандиту с вывороченными кишками, и тот умирал, как бы сейчас сказали, онлайн. Не знаю, не видел. Быть может, меня уберegli от этих кадров заботливые родители, переключая на «Спокойной ночи, малыши» с разрекламированного советского фильма ужасов «Люми».

В его рекламе воплощался весь страх советского человека, потерявшего Родину и ориентиры в ирреальном пространстве: горящий то ли автомобиль, то ли танк, за давностью лет не помню, вываливался из телевизора прямо в комнату сидящих перед экраном обывателей. Реклама фильма хорошо иллюстрировала состояние самих обывателей: в их размеренный, добрый, уютный мир врываются демоны. За демонов отвечал и Невзоров, и со своим «Чёрным псом» Шевчук. От добрых Хрюши со Степашей, как и от интеллигентного ленинградского Хохи с головой-дырявым башмаком, предложенных родителями как альтернатива аду, я уже воротил нос.

Имел, что называется, право. К своим семи несмышленым годам я уже снялся в подобном «Люми». Советский интеллектуальный фильм «Третья планета» не претендовал на звание триллера, он отсылал к Тарковскому и Стругацким, а потому так и остался на полках «Ленфильма». Впоследствии режиссер Рогожкин и сам осознал ошибку. Перестал снимать интеллектуальщину, и в его карьере сразу началась золотая эра — «Особенности национальной охоты, рыбалки и чего-то там ещё» принесли ему всероссийскую славу. Мне же оставалось сожалеть, что, приглашенный на съемки следующего фильма, отказал режиссеру в категорической форме. Всему виной были комары в лесу под Ленинградом, где снимали один из эпизодов. Сколько ни пытался режиссер Рогожкин убедить меня, что кинематограф — это не только комары, я был непреклонен: взял родителей за руки, гордо отправился домой. Благодаря чему и пишу сейчас свои повести и рассказы, а не раздаю интервью журналам для киноманов. Вроде «Сеанса» — валялся у нас дома такой. Внутри него был постер, хотя слова этого еще не знали, с изображением плачущей Ани, главной героини фильма, и меня, который ее утешает. По сюжету Аня должна была орать нечеловеческим голосом и, утешая, я ненавидел ее и боялся.

Режиссер потешался над нами как мог. То исполнителю главной роли, мужчине за пятьдесят, не скажет про труп, настоящий, из морга, расчлененный и аккуратно упакованный в пакет, то скроет от меня, что если кинуть в кусты камень, раздастся неслабый взрыв. Чтобы быстрее бежал. Снимал он и двухголовых уродов, и натуральных психов для массовки, изображающих — осознанно ли? — зомби. Кино начала девяностых — это страх и ненависть, еще раз страх, и еще раз ненависть, но

не в Лас-Вегасе, а в городе Приморске Ленинградской области, где снимались эпизоды и где жил огромный паук размером с мою детскую голову и ходил единственный автобус под номером «18».

Попасть в кино, что интересно, в те годы было очень просто: мы шли с родителями к станции «Гостиный двор», и нас окликнула женщина. Сказала, что ищет ребенка для роли в фильме, и предложила проехать до «Ленфильма». Мы думали, шутка. Думали, хочет время спросить.

Для того, чтобы спросить время, существовал специальный телефон: в Ленинграде, например, — 08. Позвонив по нему, можно было услышать механический голос, который говорил, как роботы в фильме «Гостья из будущего»: точное время столько-то часов, минут и секунд. Будучи ребенком, а все дети счастливы и, как известно, часов не наблюдают, я долгое время не подозревал о существовании такой услуги. Пока родители не попросили узнать время, а я, перепутав, прокрутил на дисковом телефоне девятку вместо восьмерки. Ничего не подозревая, спросил у девушки, которая взяла трубку:

— Извините, а вы не подскажете, который час?

То-то было смеху у родителей!

Но когда на пятки, а затем и на глотку старому времени наступило новое, цифр после нуля стало резко не хватать. Любая захудалая, только вылупившаяся из своего кооперативного антисоветского яйца фирмочка мечтала иметь телефон на 0, но прежде всех появились 009 и 058. Первый отдали новой справочной, вроде 09, но только на коммерческой основе, и операторам старой службы стало гораздо проще работать. Все, что от них теперь требовалось, это повторять заученную фразу: «Мы не располагаем такой информацией, но можем переключить на коммерческую службу 009». На 058 девушки были куда разговорчивее, что объяснялось характером их услуг. Это был первый в городе сервис «интим по телефону». Меня и маленького Артёма — кроме нас детей в огромной коммуналке не было — завораживали обнаженные красавицы, рекламировавшие эти три цифры: «Позвони мне», «Жду тебя», «Пошалим». Среди соседей ходили слухи, что примерные отцы семейств просаживали целые состояния в разговорах по страшному номеру. О чем говорить с красавицами мы, дети, совершенно не представляли. Нам просто хотелось их услышать, убедиться, что они существуют, узнать, как звучит их голос, только-то и всего. Но в трубке раздавался сухой ответ, как будто мы звонили в 09, а то и 08. Даже в 009 голоса были живее, теплее и эротичнее. Мы набирали номер снова и снова и, услышав голос, бросали трубку, пока однажды не узнали, что оплата насчитывается не за сам взрослый разговор, а за то время, что ты на линии, начиная с первой секунды. Красавицы из 058 сами позвонили, не выдержав, в нашу квартиру, и объяснили родителям, что больше не стоит их беспокоить. Почему-то они не сказали, кого беспокоить, собственно, и мама единственный раз побывала в самой дальней комнате коммуналки, напротив ванной, где изредка появлялся начинающий постсоветский бизнесмен Лёва.

— Куда они могли звонить? — интересовалась мама. Мы, разумеется, не признавались.

— Не знаю, — отвечал он. — Надеюсь, не в Большой дом.

Помню, мама аж ахнула и отчего-то испугалась. А мне показалось, что под Большим домом они подразумевают публичный. Настолько, видимо, боялся, что нашу «шалость» раскроют и как они близки к разгадке. И в этот момент мне стало стыдно.

Услуга 058 рекламировалась в газетах «Калейдоскоп» и «Не скучай» — пионерах ленинградской бульварной прессы. Если не ошибаюсь, они существуют до сих пор. Помимо эротических рубрик — эти статьи почему-то считались главными и часто выносились на обложку — журнал публиковал все, что могло заинтересовать простого советского обывателя, вырвавшегося из темного небытия в мир свободной

Диалоги с прошлым

90-е и сегодня: прошлое в настоящем

Декабрь 1991 года — конец СССР. Мы предложили нашим авторам оглянуться на тридцать лет назад и поразмышлять о том, как мечтались тогда, как для них сбылись и как откликаются сегодня девяностые годы.

В заочном «круглом столе» «ДН» принимают участие:

*Валерий АЙРАПЕТЯН, Александр ГРИГОРЕНКО, Елена ДОЛГОПЯТ,
Денис ДРАГУНСКИЙ, Илья КОЧЕРГИН, Елена КРЮКОВА,
Олеся НИКОЛАЕВА, Алексей ТОРК, Дмитрий ШЕВАРОВ*

Валерий Айрапетян, прозаик (г. Санкт-Петербург)

«Куда мы шли эти тридцать лет?..»

Термин

В широком обращении бытуют два термина, обозначающие финальную стадию существования СССР: «распад» и «развал». При видимой схожести, тем не менее, между ними большая разница. Сам предпочитаю следующую формулу: «Развал СССР, за которым последовал распад СССР». Факты слаженного, специального воздействия внешними и внутренними силами на государство, общество и экономику мало у кого сегодня вызывают сомнения.

Развал как последовательный демонтаж системы, а распад как следствие: всё как в природе — ткани распадаются и гниют после развала, смерти организма. И не только в природе. Проходил на днях мимо продуктового магазина на Загородном проспекте. Иногда в нем закупался провизией и веселящими сердце напитками. А сейчас магазин закрылся, не функционирует. Возможно, перестал приносить прибыль, может, переехал. Надпись на стеклянных дверях та же, а внутри только хаос, разруха и висящие провода. Скоро откроется новая точка: продуктовый, ветеринария или центр электроинструментов. Но никогда не тот самый магазин, в котором я покупал то-то и то-то. Разрушенный старый порядок не соберется снова в старый порядок, что бы вам ни обещали строители, новые хозяева, чиновники; какая бы надпись ни висела на входе. Никакие перестройки ничего не реставрируют, а сначала разрушают, чтобы создать новое, свое, под себя.

Не удивительно, что те же самые люди, которые участвовали в развале Союза, именуют этот процесс «распадом»: мол, само взяло и из-за невозможности функционировать дальше сгнило да и распалось. О, сколько раз мне приходилось слышать этих сладкоголосых певцов свободного рынка, «который просто взял и победил плановую экономику». Просто пришел и победил. Как в известной юмореске: сам своим пешком пришел.

Уже тридцать лет рынок побеждает плановую экономику, а побед (социальных, интеллектуальных, экономических, политических, имиджевых, демографических, культурных) все нет и нет.

Вот Крым приплыл в родную гавань.

Но и это заслуга не рынка, а сами знаете чья.

Восприятие Истории

Так уж повелось, что Историю ощущаю не только посредством дат, имен и событий, назовем это текстовой памятью, но и в ярких картинках, в цвете. Картинки такие, например: Пётр в рубахе, подворачивает рукава, плюет на руку и взмахивает топором — это Стрелецкая казнь. Суворов дует на чай, а в кружку падают снежинки — это, стало быть, переход через Швейцарские Альпы. Заключение в тюремной робе, а на груди его золотится Звезда Героя — это Меркадер. Понятно, что никакой звезды в тюрьме у друга советского народа не было, но воображение спаивает факты: убил Троцкого, отсидел в тюрьме, получил звезду Героя Советского Союза.

Эпохи окрашены в цвета:

Древняя Русь — сусальное золото вызревших пшеничных полей и русичи все как один в белоснежных одеждах (что за древний Тайд-сияющая-белизна?): кто косит, кто снопы вяжет — золотой и ослепительно-белый;

Монгольское иго — дымы, несущийся по степи табун и бараньи потроха, вываленные в грязную траву — серый, багровый;

Эпоха Грозного — темный сырой подвал, запах прели, зима и грязный снег — зернистый черный, грязно-белый;

Сталинский период — серый гранит, черный асфальт и пасмурное утро — матовый серый, черный, белесый;

Брежнев — ясное небо и яркое майское солнце — синий, желтый;

Период правления Горбачёва — мелкий накрапывающий дождь, болото и зеленый тухлый туман, стелющийся по улицам города — бледно-серый и ядовито-зеленый;

Цветастые рыночные палатки и накачанные парни в черных кожанках — новая Россия с шальным, пускающим пьяную отрыжку Ельциным у штурвала — красный и черный.

Метода

Все писатели, режиссеры и сценаристы знают, что лучший способ изобразить отрезок исторического времени или эпоху — описать историю конкретной семьи в указанный период. Ну, правда, не через изменения ландшафта ведь описывать: это дерево посадили при царе, а срубили при Хрущёве; а вот эту дорогу начали строить при Горбачёве, но так и не достроили. Хотя и тут, конечно, просматривается некий, присущий эпохе, символизм. В семье естественно обозначить мужской и женский взгляд на вещи и события, детское и взрослое, можно дать срез рефлексий трех поколений, а еще автор может поместить в одну ячейку общества либерала, революционера и консерватора и устраивать между ними баттлы на заданную тему.

Моя семья, как и все советские семьи, прошла через горнило крушения Союза. С той лишь маленькой поправкой, что нашей семье, помимо общей напасти в виде потери сбережений, продуктового и товарного дефицита, выпало оставить дом и в спешном порядке спастись из пекла разгорающегося межнационального конфликта.

Я родился и рос в солнечном, приморском, обдуваемом теплыми ветрами, городе. Городе, где сто народов легко уживались друг с другом, вступали в межнациональные браки, вместе плясали на свадьбах, отмечали дни рождения и приходили на помощь в трудные моменты.

Поэтому, когда в 1986 году моя мама (фельдшер) сказала моему отцу (инженеру-химику), что, возможно, настало время подумать об отъезде в Россию или в Армению, отец просто отмахнулся: не надо раздувать панику, все будет хорошо, дружба советских народов непоколебима.

Мама неспроста подняла эту тему: она просто передала отцу слова, сказанные ей главврачом инфекционной больницы Намиком Наримановичем Алиевым — родственником Гейдара Алиева, сейчас известным академиком, главным инфекционистом Азербайджана: «Сильва, скоро начнется. Надо думать об отъезде».

С 1985 года откуда-то стали приезжать люди и предлагать огромные деньги за наш дом. Помню, в марте 1986 года, на следующий день после празднования моего шестилетия, к нам пришли люди и предложили за дом восемьдесят тысяч крепких советских рублей. Трешка в Ленинграде стоила тогда около двадцати пяти тысяч. Отец отказал.

— Больше, чем я, тыбэ уже ныкто нэ даст, — обронил перед выходом толстый покупатель-азербайджанец.

Его слова были пророческими.

С каждым годом потенциальные покупатели предлагали меньшую цену.

Летом следующего, 87-го года азербайджанская семья из Армении предложила за дом шестьдесят шесть тысяч, осенью, другие покупатели — пятьдесят четыре тысячи. В январе 88-го худощавый мужчина готов был купить наш дом за тридцать пять тысяч...

В доме стало звучать пугающее слово «Карабах». Чаще его произносила мама, а папа всегда недовольно отмахивался. «Ничего не будет, не бойся», — говорил он, хмуря день ото дня.

В октябре 88-го отца выбросили на ходу из автобуса. Изъяли паспорт: пятая графа — армянин. Бледный, в пыли, со ссадинами на лице и руках отец вернулся домой и заявил: «Пора уезжать». Покупатели будто испарились. Беременная мама ходила по зажиточным соседям и рассказывала про крепкий дом и низкую цену.

Джамбул, сын богатой соседки Хураман, без стука вошел в дом и с порога заявил отцу: «Дам за дом тринадцать тысяч. Не продашь — будет беда». Вот и вся дружба народов. А ведь мама спасла Хураман от смерти, когда та при падении проткнула ногу и повредила бедренную артерию: наложила жгут, лед, сделала обезболивающий укол и вызвала неотложку.

Отец согласился.

В ноябре родился мой брат Арсен. Роды были сложные, ребенок перенес длительную гипоксию, требовалась срочная интенсивная терапия. Врачи роддома не реагировали на мольбы мамы спасти сына. Заступившая на смену русская врач Никифорова подключила синюшного Арсена к гормональным капельницам, и мальчик выжил.

Все тосты, произносимые десятилетиями на свадьбах, днях рождения, праздниках: о здоровье семьи, о непреложности любви к детям и уважении к старшим, о дружбе и братстве народов, — оказались не более чем пшиком, сотрясением воздуха, анекдотом.

Джамбул внес залог — пять тысяч рублей, обещая выплатить остаток позже. Папа заказал два контейнера для перевозки вещей в Армению. Один контейнер заняла его библиотека, второй — мебель, вещи, утварь.

Ксения Голубович

Труд поэта. Словарь

Ольга Седакова. Трудные места из богослужения

Мы познакомились в 90-е, я вошла в семинар по поэтике, который Ольга Седакова вела в МГУ на кафедре теории мировой культуры. С ее «Словарём трудных мест из богослужения»¹ познакомилась позже. Хотя сам он идет еще из 80-х и составлялся, по признанию автора, для верующих, наше поколение столкнулось с ним на другом историческом фоне — 90-х. Он пришел на волне словарного усилия времени — поменять язык, сдвинуть смыслы слов. Это усилие было повсеместным. Оно сказывалось в переводе множества терминов, в появлении целых ареалов нового опыта, где все предметы и понятия не были поименованы по-русски, его можно найти и в художественных переводах, которые как будто лишались гладкого, отработанного советской школой варианта языка. «Советская» агальма больше не работала. Казалось, и ощущение было стойким, русский язык упустил что-то за двадцатый век, на нем не записалось то, что записало себя в недрах и идиомах других — немецкого и французского прежде всего. И если уж переводить, то делать это надо, разрывая штампы, выявляя корневую глубину, ибо только так можно высечь иную, более чистую смысловую искру. 90-е — это взрыхленная почва, это неудобный проход по территории, это поиск, и желание, и страшная необходимость изменения во всем. «Словарь» Седаковой не уточнял что-то, чего мы раньше не знали, его эффект был другим: он работал с нашими привычными идеями, это были поиск и разведка «капитала», спрятанного внутри нас самих, попытка поднять новую картину мира, которая бы встала за русским языком, за нашим новым стилем общения и говорения.

«Словарь» Седаковой — это выращенные многослойным давлением филологии, библеистики, литературы, поэзии твердые кристаллы, сама структура которых подразумевает большую длительность существования. Он наращивался в течение 80-х, 90-х, нулевых и сейчас — еще одна откорректированная версия. Но кроме того, что это словарь, — это еще и «поэма», некий тип выхода за рамки жанра: для того, чтобы стать поэмой, этому словарю ничего не нужно делать.

Кризис будущего — это обычно кризис связи с истоком. Обретенное будущее — возобновление связи, переживаемое как культурная константа. И за эту связь с пра-истоком обычно отвечают... шаманы, поэты, пророки. В разных культурах по-разному. Вот и сейчас в «Словаре» Седаковой нам предлагается обновить те понятия, те «термины» нашего сознания, которым вновь грозит истощение и лишение сил. Однако, как и любую современную поэму, этот словарь надо уметь читать. А читать — это значит отправлять себя в плавание, отдавать себя игре сил, не зная, что в итоге выйдет. Я предлагаю некоторые правила чтения — из тех, что испытала на себе.

¹ В этом году вышло третье издание, исправленное и дополненное:

Ольга Седакова. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. — М.: Практика, 2021.

В том возрасте, когда мы прозреваем в Именах образ непознаваемого, который сами же в них вложили, они по-прежнему означают для нас и реальное место, тем самым заставляя нас приравнять одно к другому, — и вот в каком-нибудь городе мы ищем душу, а ее там нет и быть не может, но мы уже бессильны изгнать ее из имени этого места...

Марсель Пруст. Сторона Германтов

Скромная, простая задача: взять слова из серии «ложных друзей переводчика», те, что при чтении церковнославянского текста богослужения кажутся нам понятными. Современный читатель образован и самостоятелен, и с тем, что ему откровенно неясно, легко справится сам. Но вот вопрос — *что* ты можешь сам? *Сам* ты полезешь в словарь — за *точно* неизвестным словом. Точно неизвестное — это «знак» того, что может стать знакомым. Но гораздо труднее работать с заведомо «понятным»: нужна наука само-недоверия, экспертиза сомнения, прозревающая невозможность ухватить истину в первом слое. Читаешь поэтическую строку или назидательное изречение и понимаешь, что ты не знаешь и не чувствуешь слов, не понимаешь, куда смотреть, а тот странный эффект, то впечатление, которое эти строки уже оказывают на тебя, раскапывать придется, как Шлиману Трою, — на одной вере, что она там есть. В церковнославянском языке — как в хорошем детективе — сомнение прежде всего ценно там, где все выглядит гладко. И любая ясность — только повод для поиска сокрытого.

Ольга Седакова не затягивает с примером во вступительной же статье. Она обращается к слову «непостоянный», по поводу которого у читателя точно не будет сомнений. В русском языке «непостоянный» значит «ветреный», «переменчивый», «неверный». Но как тогда расшифровать «непостоянно великолепие славы Твоя» (ПсСл Повеч вел мльв Манассии) из церковнославянского? Можно объяснить себе так: слава непостоянная, потому что я ее то вижу, то не вижу; дело раскрыто, пора идти дальше. А если не делать так? И сказать: за чистотой и прозрачностью вижу что-то, что не работает, и в чистой воде вижу что-то еще — подвижную белую складку, спину какой-то неизвестной рыбы. Смотрим в «Словарь»: церковнославянское «непостоянный» — перевод с греческого «астатос» — и в русском будет означать «тот, *против кого* нельзя устоять». Ольга Седакова как переводчик предлагает три русских эквивалента, трех претендентов на перевод: «невыносимый», «нестерпимый» и «неодолимый». Невыносимое величие, нестерпимое и... неодолимое. В ответ в голове вспыхивают картины. Если величие «нестерпимо», то перед глазами — падающие при фаворском свете ученики. Лучи света на иконах — как копья, что поражают наших драконов посильнее Георгия Победоносца. Если «невыносимо» — то вот уже святой Христофор несет младенца через реку, и ноша его с каждым шагом все тяжелее. А если «неодолимо» — Иаков, что вслепую борется с ангелом. Какое слово ни возьмешь, все подходит, каждое выйдет вперед и будет «полноправным представителем» греков и славян в стане русских. Так «кто» же, чей корень, чья семья войдет в «богослужение»? Все хороши, все равны как на подбор... И в то же время не равны. *Каждое слово — любимое и единственное.*

Проблема в том, что выбрать нельзя — у всех этих слов один источник, одна Книга. Прямой удар луча разбивается на многие грани, но исходит из одной точки. Более того, из самих же сюжетов, вспыхивающих в ответ на слово, приведенное Ольгой Седаковой в качестве примера, становится ясно, что перед нами вызов: если нестерпимо — перетерпи. Если невыносимо — неси. А если борешься, то не смей не бороться. Не смей не прильнуть в борьбе к тому, кто невидимо рядом, кто давит

на тебя. Это не просто «не» отрицания, а целая драма между приставкой и корнем: русское слово становится активным, а не выглаженным вдоль и поперек. Его так «ведет» от магнитов греческого и церковнославянского, что оно начинает ходить ходуном — и требует человеческого внимания. Как-то Ольга Седакова сказала, что то, что для драматурга происходит в размере пьесы, для поэта происходит внутри одного слова, и не просто в механике его, как показывал русский формализм, а в его умении под воздействием сил поэзии превратиться и пережить невероятную судьбу — пусть даже в четверостишии.

В самой процитированной как «трудное место» строке столько любви к этой Славе, столько какого-то странного родства человека с ней, что хочется скорее метнуться к ней от «непостоянного» и посмотреть, что же она такое. Ольга Седакова не оставляет нас в этом желании — «слава» есть в «Словаре», она тоже «трудное место». «Слава Господня — Бог в Его епифании; то, что Бог открывает, являет... *вид же* Славы Господней как пламя наверху горы перед сынами Израиля» (Исх.24,17). Именно этого просит Моисей на горе Сиона: посмотреть, как выглядит Слава. Бог в ответ прячет его от нее: «когда же будет проходить слава Моя, Я помещу тебя в расщелине скалы и накрою тебя рукою Моею». То есть Он еще и сам позаботится о наших отношениях со славой. Укроет, как ребенка, от своей собственной Непреодолимости, а значит, сделает ее чуть более преодолимой. Укроет, но не закроет до конца, даст увидеть, но не все, Сам введет какое-то «непостоянство» в «постоянство», потому что милует возлюбленного Им человека. Если человеку хочется увидеть силу и восхититься, то Богу в первую очередь важно, чтобы человек не пострадал — как все время чувствуется в свете «невечернем», то есть негаснущем, земной вечерний свет, столь любимый русской живописью. На наших глазах учреждаются какие-то невероятные *отношения* между значениями русского слова и церковнославянского, которые невозможно так запросто отбросить, но легко можно пропустить, перестав видеть игру «постоянства и непостоянства» между нами и Им; между мной и Тобой. Потому что Ты на нашей стороне и даже можешь отказаться от Своей Славы, прийти почти без сияния в такое трудное место нашего бытия, что мы испугаемся встать рядом с Тобой. Испугаемся не Твоей Славы, а глубины Твоего позора. И каким тогда еще страшным смыслом ударит в нас «непостоянство Твоей славы»?.. Какие картины тогда я увижу? Слово «позор» тоже есть в «Словаре» и значит, как всегда, *другое*.

Но и про «непостоянную», земную славу любопытный человеческий дух тоже хочет узнать. Может ли в богослужении быть кто-то земной и «прославленный»? Может: «прославленный царь». Но это значит «явленный в святости». А как быть с просто «славой» в русском значении «известности» — есть ли у нее шанс достичь этой точки, есть ли эта точка в ней, точка такой внутренней интенсивности? На ум приходят строки Ахматовой:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

В этом написанном на русском стихотворении уже как будто видна вся «распорка» знака «троих», все его растяжение, все претенденты, все переигрывание темы между греческим, церковнославянским и русским. «Цена» славы велика. Ее непостоянство — страшно и «непостоянно». А одно из мест в слове, где эта цена будет заплачена в очередной раз, — суффикс. Переход полновесной «ноги» в легкомысленную «ножку» в русском языке, это право сделать смысловую уменьшительную складку, совершается за немислимую цену — и подразумевает *его, Пушкинскую*, тяжесть выбора. Как и

Павел Пепперштейн

Нежные пространства и сундучки Флинта

Разговор ведет Ксения Голубович

Павел Пепперштейн — имя знаковое в кругах российского арт-сообщества и читателей не-массовой литературы.

Сын одного из основоположников московского концептуализма художника Виктора Пивоварова и поэтессы, детской писательницы и книжного иллюстратора Ирины Пивоваровой, он очень рано вошел в арт-сообщество, и в его случае мы можем говорить о начале сознательного экспериментального творчества уже начиная с подростковых лет. В 1987 году двадцатидвухлетний Павел Пепперштейн создает вместе с художниками Сергеем Ануфриевым и Юрием Лейдерманом группу «Инспекция “Медицинская герменевтика”» — своеобразное продолжение и воплощение идей концептуализма.

В это время Пепперштейн становится одним из самых востребованных художников на российской арт-сцене. Однако слово «художник» не исчерпывает всей его деятельности. Пепперштейн — это и автор текстов, «писатель», который пишет на протяжении всей своей творческой жизни. Начиная как рассказчик, в 1999 году в соавторстве с Сергеем Ануфриевым он публикует свой первый большой роман «Мифогенная любовь каст», практически мгновенно обретший статус культового для нескольких молодых поколений. Второй том романа, написанный уже только Пепперштейном, выходит в 2002 году, а в 2006-м «Мифогенную любовь каст» номинируют на премию «Национальный бестселлер». В 2018 году Пепперштейн становится лауреатом премии им. А.Белого.

Художественная практика Пепперштейна укладывается в рамки придуманного им термина «психоделический реализм», где в узнаваемо реалистическое, почти хрестоматийное повествование вторгается некое галлюцинаторное, магическое измерение, «обламывает» его и переиначивает все его смыслы и все читательские ожидания. Однако этот «облом» происходит настолько мягко, настолько нежно, что его нельзя превратить в какую-то контридеологию, приписать ему прямые этические смыслы. Как говорит сам Пепперштейн, он никому не навязывает обязательности своих идей, никого не учит. И тем не менее уровень его прозы заставляет читателя оставаться при читаемом и делает Павла Пепперштейна одним из самых интересных собеседников в пространстве русского языка.

Ксения Голубович: Когда читаешь твою прозу, то сразу, без предварительной подготовки, попадаешь в сконструированное тобой магическое пространство. Это потому, что для тебя границы сознания легко проходимы?

Павел Пепперштейн: Речь идет о воображаемых пространствах, в которых я, отчасти, обитаю. Как существо гостеприимное — я приглашаю в эти пространства то читателей, то зрителей, то еще каких-нибудь людей.

К.Г.: Что требуется от нас в этих пространствах? Не судить с порога?

П.П.: Посетитель этих пространств, если ему они не нравятся, может легко их покинуть и забыть о них. Многие современные писатели и художники предпочитают любовно травмировать зрителя или читателя, пробуждать его дремлющую совесть или болезненные воспоминания, бросать острый свет на актуальные проблемы в обществе. Я конструирую достаточно нежные и зыбкие пространства, не предназначенные для того, чтобы кого-нибудь шокировать. Некоторые шокирующие моменты не являются тем, ради чего это все затеяно.

К.Г.: Но ты и сам — гость в этих мирах?

П.П.: Совершенно верно, я в этих мирах не хозяин, я там гость, но я там давний гость. Впрочем, несмотря на давность моего в них пребывания, я, наравне с читателем, нередко испытываю в ходе обследования этих миров эффект неожиданности, сталкиваюсь с сюрпризами — чаще всего радостными, но иногда и отвратительными.

К.Г.: В твоих книгах я нахожу не просто сновидения, а скорее сплав реальности и сна, где рядом с прихотливыми образами («женщина с бородой» или «борода с женщинами» — особенно мне запомнились) неизменно присутствуют некие сверхличные константы, которыми живет общество. Это напомнило мне прежде всего Борхеса, но и Маркеса тоже. Вероятно, можно сказать, что для тебя социум — это сон, который видят все

П.П.: Да, при этом видят достаточно по-разному. Хотя наличествует и некий уровень общественного договора, который требует описывать социум в тех или иных принятых категориях, но я эти соглашения не всегда соблюдаю. По поводу Борхеса ты правильно заметила. Мне всегда нравилась его склонность брать какую-нибудь философскую идею, философскую категорию или конструкцию и превращать ее в аттракцион. Меня, конечно, всегда очаровывала еще и гиперинтенсивность его рассказов. Крошечный рассказ, условно говоря, весит больше пухлого романа. Впрочем, превращение философской конструкции в аттракцион можно осуществлять не только средствами письма, что я нередко и проделываю. В восьмидесятые и девяностые годы я работал в составе группы «Медицинская герменевтика», мы как раз занимались созданием таких борхесианских инсталляций.

К.Г.: После СССР поменялась ли череда наших внутренних иррационально-рациональных конструкций, по поводу которых мы заключили общий договор и которые, скажем так, умеряют нашу экзистенциальную тревогу?

П.П.: В постсоветском обществе рождаются новые фантомы, но немногие из них ориентированы на то, чтобы гасить или ослаблять нашу тревогу. Как правило, эти фантомы существуют для того, чтобы усиливать ее.

Позднесоветское общество культивировало в себе умиротворяющий летаргический флюид. Постсоветское общество, напротив, заинтересовано в тревожности каждой отдельной особи, которая интегрирована в это общество. Уровень тревожности поддерживается очень тщательно. И поэтому такое письмо, как мое, которое в какой-то степени экспериментирует в направлении устранения этой тревожности, в направлении некой социальной анестезии, это письмо воспринимается, как ни странно, как диссидентское. Люди с наслаждением взирают на нечто чудовищное. Они боятся потерять свой страх, их мучительно тревожит попытка избавить их от тревоги.

К.Г.: Сейчас много говорят о нынешней якобы реставрации застоя, но, судя по твоим словам, эта реставрация невозможна, потому что застой — это такая летаргическая структура, и герои этого летаргического мира обязаны погружаться в сон, а сейчас базовое устройство, наоборот, требует пробуждать от сна.

П.П.: Да, ты права, современное общество напоминает камеру, где постоянно вспыхивает яркая лампочка, лишаящая сна. Эта пульсирующая лампочка и есть пробуждающий персонаж. Что же это за лампочный персонаж? Это — ты сам. Точнее, идеологический двойник, изображающий тебя самого. Одна из очень важных фикций,

Александр Чанцев

Внутренняя алхимия

В этом обзоре объединены три персонажа истории идей прошлых десятилетий — к сожалению, они все умерли, — к которым применимо расхожее выражение «раздвигать границы реальности». Они делали это как в сфере мысли и даже духа, так и зачастую в повседневной жизни. И хотя проходили они по ведомству рафинированной, даже маргинальной интеллектуальности, изучение их влияния — выходящее уже за рамки нашего обзора, — потянуло бы на добрую диссертацию.

Мера неизвестного

Евгений ГОЛОВИН. Там. — М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2021. 304 с.

Дополненное издание вышедшей десяток лет назад и ставшей без преувеличения библиографической редкостью книги¹ — не только потому, что у нас сложно купить что-то, вышедшее вчера в статусе бестселлера, но и потому, что книги одного из лидеров Южинского кружка, переводчика, литературоведа, мистика, поэта, барда всегда были вещью малодоступной². Может, так оно и надо.

Ведь и Головин, по словам Гейдара Джемалю, о котором мы поговорим чуть позже, называл его необычным учителем — «он являлся гуру и притом машиной для провокаций по ту сторону добра и зла, по ту сторону человеческих слабостей»³.

Интеллектуал еще до изобретения этого термина, в «Там» он просто захватывает — более или менее подготовленного — читателя fascinацией своей эрудиции, мысли, необычностью ее траектории. «Там» — очень емкое и краткое название для круга идей, которые хотелось бы обозначить хотя бы по верхам. Как Николая Фёдорова называли Московским Сократом, так Головина — Адмиралом, Калиостро, последним метафизиком и много еще как. Заслуженно.

Тем более что Головин, скажем так, из устных философов. Не потому, что разворачивал свое учение на кухне — других возможностей тогда особо и не было, только под конец жизни его, сильно больного, стали записывать на видео, — а потому,

¹ Я писал о первом издании книги: Ракетой к Чёрной Луне // Частный корреспондент. 2011. 17 июля (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=24083>). И это единственный случай в моей истории критика, когда я нарушаю свое правило и пишу об одной книге дважды.

² Отошлю и к заметке о более представительном и пока не переизданном сборнике его эссе: Западные суфии и средневековый Адмирал // Перемены. 2014. 15 июня (<https://www.peremeny.ru/blog/16791>).

³ Джемаль Г. Сады и пустоши. — М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021.

что работал скорее на чужом материале. Как все средневековое — и не только — богословие выросло из экзегезы одного-единственного текста, так и Головин переводил, рассказывал, знакомил с теми авторами и концептами, о которых тогда и слыхом не слыхивали. Традиция эта почетная и вполне дошедшая до наших дней — надо ли говорить, насколько выше и ценнее материалы Бибихина о Хайдеггере, нежели «учение» какого-нибудь современного выпускника психфака, решившего срубить хайп на изобретении нового извода психоанализа для нужд подкастов в YouTube'e?

В вошедших в эту книгу эссе Головин может писать о разном. «Траговка старости у Рембо и Бодлера» или — с лукавой улыбкой — «Женская магия: проблемы красоты». В основном же его «подопечные», та глина, из которой, как на дрожжах, вырастает Голем, вернее, гомункул, — это высокий модернизм, от символизма до экспрессионизма и редких, до сих пор не в широком ходу, поэтов середины и второй половины прошлого века. В основном — Жерар де Нerval, Теофиль Готье, Артюр Рембо, Георг Гейм — и много Шарля Бодлера, Георга Тракля и Готфрида Бенна.

Почему даже не эта эпоха, а эти персоналии — понятно. Головин, что удивительно, как раз не за отдельные персоналии, но за живое существование поэзии, ее обмена, ее, как в реторте, бурление. «После смерти Рембо, Верлена, Маларме и многих других выдающихся поэтов началась агония поэзии. <...> Когда атмосфера насыщена кислородом, появление живых существ не вызывает удивления и никто не собирается считать их поштучно¹. Когда общественная атмосфера пронизана поэзией, никто не собирается учитывать поэтов экзemplарно». Об этом состоянии общественного и индивидуального сознания (тогда это — равно) он и пишет. Пишет тоже не напрямую — он не Эвола и не Генон, манифесты не выдает. А через отрицание. Зачастую — почти устами тех же «проклятых поэтов». Так, Бодлер «безусловно, ненавидел современную эпоху прогресса, вульгарного материализма, новых уродливых зданий — предвестников зари ликующего оптимизма². Ему претил фетишизм денег, равного которому он не находил в истории». Или же он цитирует Клагеса, инвективы того против «объективного мирозерцания, механически отрегулированную функциональность, управляемую холодно и безразлично». Человек становится механизмом вроде заведенных раз и навсегда часов: «Главное — встать вовремя, провести необходимые гигиенические процедуры вовремя, поесть вовремя, успеть на работу и т.д.»

Подобное ворчание, даже стилистически блестящее и поражающее эрудицией (про цитируемых алхимиков, ересиархов и апокрифических авторов думаешь каждый раз, не выдумал ли их Головин, — знания и их верификация у современного человека ограничены чаще всего интернетом), вряд ли бы составило ось даже небольшого выступления Головина. На примере того, как Бодлер расширяет сферу эстетического, вводя в нее дотолем шокировавшие элементы уродливого, смерти, неприличного, Головин показывает ту «меру неизвестного», о которой писал Рембо³, — и делает по сути то же самое. Из рассматриваемых им крайне сложных, герметически закрытых

¹ Мысль Головина — возможно даже, и с его слов, — разделяет и Гейдар Джемаль: «Меня давно занимала идея, что люди уходят не просто когда угодно. Люди умирают не потому, что они заболели, состарились или просто устали жить, а потому, что кончается их эпоха, — они уходят целыми блоками, пластами носителей определенной матрицы».

² Как не оценить пророческие возможности Головина в нашу эпоху тотального «позитива» и борьбы со всем «токсичным», то есть хотя бы минимально «напрягающим», требующим усилий сверх поставленного лайка и отравленного смайлика. Вот еще очень актуальное: «Социальный хаос, обескровленная жизнь духа при отсутствии трансцендентной перспективы, единственность сугубо материального бытия и связанный с этим культ молодости и физических сил...» Головин любит приводить высказывание Хайдеггера (в связи с тем же Гельдерлином) о том, что из современной жизни исчез не только Бог, «но и божественная роскошь погасла в истории мира».

³ «Поэт определяет меру неизвестности, характерную для его эпохи» («Письмо провидца»). В отношении самого Головина можно до сих пор, увы, говорить о мере его неизвестности...

произведений он вычленяет эту неизвестную суть: «Что касается энигматической, визионерской лирики “Озарений”, она электризует неожиданными, поразительными образами, головокружительными пейзажами, чуждыми эмоциями, странными философскими параболлами, но что-либо понять в ней, мягко говоря, трудно», — о том же Рембо. Так Головин поступает и с эпохой. «Если в айсберге лежит мамонт, он безусловно есть его истина, но даже если метель белой луны выдувает в айсберге пещеру, то стоит призадуматься: истина — ледяная поверхность айсберга или его пещера?» — говорит уже сам Головин. Как в этих текстах («лучше не вдумываться даже в простую поэзию»), он находит и предьявляет читателю это распыленное, сокрытое знание о вещах более кардинальных, чем они явлены поверхностью и поверхностным же взглядом. И опять чужими словами, без пафоса прямого высказывания, он выводит обобщающее суждение: «Далее Нерваль рассуждает: уважай в каждом звере деятельный дух; учти, в каждом цветке таится душа природы: в каждом металле скрыта мистерия любви: все чувствует и влияет на тебя. Даже из щели слепой стены на тебя косится недоверчивый взгляд». Как же это функционирует, на каких тонких пластах духа, с которыми пристало работать скорее и вернее вдумчивому алхимику?

Знание это болезненно, оно предполагает не меньшую (скорее — все же меньшую, ибо нынешняя цивилизация обманывает прежде всего своей комфортностью, «позитивом») болезненность, чем наше время смерти гуманистических понятий. Это, по сути, знание столь же отрицательное, разрушительное, только с другим знаком, а также с обещанием воскресения после смерти. «Страсти Мальдорора непонятны, оригинальны, грандиозны. Он — человек-стихия, океан наделил его своей масштабностью, бешенством, красотой, загадочностью. Поэтому его отношение к людям отличается демонизмом и жестокостью, смешанной с надменностью, иронией, снисходительностью. Если это дегуманизация, то дегуманизация высшего существа». Каковыми могут стать и прошедшие это горнило, что сродни расплавлению, смерти свинца ради возрождения золотом. Про алхимию, конечно, сравнение условное и не хромающее, но припадающее на одну ногу. Ведь здесь все другое, непонятное повседневному сознанию: «Все эти люди далеки от героев в обычном смысле. Да и о людях мало что можно сказать. Это человеческие схемы, линии, поступки, которые, нелогичные и запутанные, пересекаясь в сложном пространстве поэмы, образуют сети узоров. <...> Поражает четкость композиции, главное непонимание поэмы в обычном логическом смысле... <...> Таким образом создается некий второй язык, употребление которого до крайности усложняет поэзию отсутствием привычных референций».

Это сложно, но не беда, и точно не должно смущать. Ведь «человека обезличивают специальностью, слово — однозначностью. Ясность выражения и точность формулировок, столь ценимые в intersubъективном общении или в донесениях, отнюдь не являются добродетелью языковой сферы. Живому организму языка вовсе не свойственна симметрия и логическая завершенность теории, уравнения, геометрической фигуры». Зато этот сложный, новый язык позволит выявить суть вещей: «В полутьме, в сумраке вещи пребывают застывшими под патиной привычности. Только восходящее солнце начинает видеть имена, то есть натуральную суть вещей», «стихотворение побуждает размышлять о какой-то другой стороне жизни, о том, что никогда не приходило в голову». Это четвертое измерение искусства, жизни, вещей. Та геометрия Лобачевского и Римана — да, Головин пишет и о математике, и о физике, — что «положила начало идеи четвертого измерения¹, той самой идеи, которая спровоцировала революцию в сегодняшней литературе и искусстве».

Работа с «другой стороной жизни» предполагает многое. Вплоть до — мы приходим к началу, когда Бодлер расширял сферы эстетики — внесения неживого в

¹ Джемаль в свою очередь вспоминает о своем детстве: «Этот вкус с того момента всегда оставался со мной — постоянная близость четвертого измерения, выход куда-то, где наступает тишина и только пролетают птицы».

сферу, орбиту живого: «Однако в природоведческих книгах семнадцатого века <...> утверждается, что между тремя царствами природы (минеральным, растительным и животным) нет принципиальной разницы. <...> Даже сегодня не каждый минеролог согласится признать камни мертвыми». Что ж, утверждает Головин, рациональное, конвенциональное знание видит, понимает и учитывает совсем не все. Оставляя за скобками то, что Генон называл *la possibilite infini* — безграничная возможность. То же развитие современных математики и физики, понятное паре сотен людей в мире, остальными принимается исключительно на веру. А те же открытия Эйнштейна возвращают знание в мифические времена всеобщего единства, обратимости, синкретизма. Посему даже такая радикальная константа, как смерть, может быть, абсолютно наоборот, не концом, а началом. Ведь «никогда и нигде до триумфа рационального интеллекта смерть не считалась концом человеческого бытия»¹. Да и «то, что обычно понимают под словом смерть, у Тракля ассоциируется с финалом разложения и началом интенсивной метаморфозы». Пусть это видели только горстка алхимиков, Тракль и его великий, без дураков, интерпретатор Евгений Головин — многие ли, уже растягивая сравнение, дошли бы своим умом до того, чем занимается физика после Эйнштейна?

Не стоит, впрочем, думать, что Головин на протяжении всего текста погружен в подобные метафизические абстракции. Его мысли — скорее, по Юнгеру (которого он тоже уважительно цитирует), озарения. Изысканные и свободные. Вот, например, о той же математике. «В сущности, когда ученый забывает об “убожестве прозы жизни” и занимается чистой математикой, он гораздо лучше понимает художника: в его творческой работе важнейшую роль начинают играть эстетические категории, и подобно поэту, чья муза утратила слишком конкретные очертания, его интересует метафора как таковая, скопление метафор и мир воображения, расцветающий на такой почве».

Почва эта, конечно же, дает массу тончайших частных наблюдений. Впрочем, частных ли? Ведь это тоже о том мире, в котором мы живем, и о том, как мы с ним себя соотносим. «Центр механической структуры всегда находится вне ее», «современная поэзия создает режим неопределенности», «молчание, темнота, пропасть, бессилие, глубина и высота — это негативные категории, и их существование фиксируется отсутствием звука, света и тому подобного. В поэзии подобные категории являются позитивными»². Или о том, как неожиданные, казалось бы, восклицания у Бенна «интенсифицируют надменную непричастность стихотворения».

Шанс шизоидного подполья

Гейдар ДЖЕМАЛЬ. Сады и пустоши. — М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 608 с.

После смерти в 2016 году силами его учеников и близких³ продолжают выходить книги⁴ еще одного участника и столпа Южинского кружка — писателя, философа, исламского мистика, политического деятеля Гейдара Джемалья.

¹ Максиме Ника Кейва «Just remember that death is not the end» вторит и Джемаль, предлагая почувствовать «абсолютную разницу между гибелью и смертью»: «Гибель — это разрушение феномена извне, а смерть — это то, что происходит изнутри, обнаруживает себя изнутри, потому что смерть — это сознание, в отложенном виде являющееся смертью».

² Вот он — позитивизм по Головину, более приличествующий нашей эпохе гнилого грома после «стальных гроз»!

³ Сын Джемалья Орхан, военный журналист, был убит в ЦАР при до сих пор не выясненных обстоятельствах в 2018 году.

⁴ В прошлом, 2020 году, вышла книга «Новая теология. Избранные лекции».

Евгений Абдуллаев

Дело привычное

В аэропорту Шереметьево у меня первым делом забрали паспорт. «Вернитесь в зал, посидите, вас вызовут». — «Сколько ждать?» За стеклом неопределенно улыбнулись.

Перед паспортным контролем клубилась толпа, человек двести. Тоже в основном из Средней Азии. И тоже без паспортов, ожидавшие вызова. «Уже больше двух часов ждем...» Стало грустно.

Время от времени появлялся некто со стопочкой паспортов и начинал выкликать, пофамильно. Пять, шесть... После чего исчезал. Снова ожидание.

Подойдя к человеку в форме, попытался прояснить обстановку. Сколько будут проверять, когда вернут паспорт? «До трех часов...» Глядя в упор (лицо у меня, видно, стало совсем перевернутым), добавил: «Я у вас паспорт не забирал. Идите туда, где забрали». Но там уже было закрыто.

Я присел на свободный край скамьи. Что-то это все напоминало.

Иван Африканович сидел на скамье с виду спокойно. Только никто не знал, что творилось у него внутри. Он сам дивился, откуда взялось у него такое упрямство, чувствовал, что эту справку он зубами сейчас выгрызет, а пустым из конторы не выйдет. Митька ждал его на крыльце.

Председатель зачитал заявление и прилепнул его волосатым кулаком:

— Товарищ Дрынов?

— Дрынов. Он самый, вся фамилия верная, — сказал Иван Африканович.

— Объясните по существу, — сказал председатель.

— Там написано. Все и по существу.

Председатель крикнул:

— Ничего тут не по существу! Тут все не по существу! Ты просишь дать справку, чтобы тебе дали справку по десятой форме. Правильно?

— Точно.

— А десятая форма нужна для получения паспорта, верно? А паспорт тебе нужен для чего?

— Ясное дело, для чего, уехать хочу.

— Вы же, товарищ Дрынов, депутат! Что это такое? Куда вы собрались уезжать?

— Вам-то что за дело, куда я вздумал уезжать? Я не привязанный вам.

— Никуда вы не поедете. Все! Возьмите заявление.

Иван Африканович из «Привычного дела» Василия Белова возник не случайно. Я ехал на Беловские чтения, которые должны были пройти в Вологде с 18 по 23 октября. И доклад мой был как раз о нем. «Вторая жизнь Ивана Африкановича: “Привычное дело” в контексте современной русской прозы».

Нет, конечно, мои паспортные проблемы не шли ни в какое сравнение с теми, какие выпали более полувека назад вологодскому крестьянину: у колхозников паспорта просто не было. Но сама логика отношений человека и власти изменилась не сильно. Хочу пушаю, хочу нет. Без объяснений. Ждите.

Набрав воздуха, я двинулся к кабинкам.

Иван Африканович встал. ...Он, дивясь самому себе, ступил на середину конторы и закричал:

— Справку давай! На моих глазах пиши справку!!

Мне повезло. Едва я подошел к кабинкам, появился человек со стопкой паспортов и назвал мою фамилию. Так что ждать пришлось всего полчаса. Мелочь, если так посмотреть. Дело привычное.

«Дело привычное...» Это была его любимая присказка, Ивана Африкановича Дрынова. Отсюда и название повести, вышедшей в 1966 году в журнале «Север».

В отличие от многих героев прозы шестидесятых — либо активных деятелей, немного идеалистов (у Гранина, Рыбакова, Стругацких), либо несколько скептических «реалистов» (у Аксёнова, Битова) — герой «Привычного дела» — не идеалист и не скептик. Он — *стоик*. Не сопротивление и не покорность, но спокойное и твердое принятие своей доли, своего «привычного дела». Лишь единственный раз Иван Африканович бунтует: в этом приведенном выше отрывке, когда почти силой вырывает у председателя требуемую справку.

Стоицизм — как течение мысли — возникает в античности после окончательного крушения полисной демократии и установления империи. Он становится ответом на это отчуждение личности от общества, а общества — от власти.

В СССР это начинает происходить с середины 60-х и продолжается, по нарастающей, вплоть до середины 80-х. Это время маленьких, «незаметных» героев, и не важно, живут ли они в деревне или в городе, в настоящем или в прошлом.

Что, казалось бы, общего между Иваном Дрыновым и Андреем Бузыкиным — героем снятого через тринадцать лет после выхода «Привычного дела» фильма «Осенний марафон»? Между вологодским крестьянином, едва сводящим концы с концами, и вполне благополучным ленинградским переводчиком, бегающим по утрам трусцой? Не столько общий психологический тип, сколько общая экзистенциальная позиция. Отрешенность от какой-либо социальной и политической жизни (в силу ее фиктивности, все большего обесмысливания), принятие своего ограниченного повседневными заботами бытия. И после попытки вырваться из него — снова возвращение и стоическое примирение с ним.

Затем, на волне перестроечного популизма, отчуждение от политики на какое-то время снимается (хотя и приводит к известным печальным последствиям). Но где-то с конца 90-х начинается новый виток отчуждения, снижения социальной и политической активности, уход в «свое», в свою частную жизнь. Таковы «стоические» герои прозы начала века: Вера из «Рыбы» Петра Алешковского, Зулейха из «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной, Глеб Яновский из «Брисбена» Евгения Водолазкина... Называю навскидку, список можно продолжать и продолжать. На этом фоне Иван Африканович не выглядит чужаком. Разве что чуть покрупнее, поглубже, похарактернее многих. Впрочем, и герои современной прозы лет через пятьдесят будут смотреться иначе.

Об этом (и не только) я говорил на Чтениях — в просторном конференц-зале Вологодской областной библиотеки, хорошо, с умом отремонтированной пару лет

назад. Библиотека и выступила организатором и устройтеlem этих чтений, уже восьмых по счету, и выросших из областных во всероссийские.

Участники — разные. Литературоведы Игорь Шайтанов, Иван Есаулов, Андрей Петров, Сергей Баранов, критик Андрей Тимофеев, критик и прозаик Наталья Мелёхина...

Неизбежный разговор о деревенской прозе.

Да, «деревня» в прозе последних лет десяти — товар редкий. Более-менее известных писателей, пишущих сегодня о деревне, можно пересчитать по пальцам. Конечно, Борис Екимов. Василий Аксёнов-младший, Михаил Тарковский, Ирина Мамаева... У них это постоянная тема. Чаше — однократные «забеги» в деревенскую тематику. Наталья Ключарёва в «Деревне дураков» (2010), Фарид Нагим в «Земных одеждах» (2010), Андрей Дмитриев в «Крестьянине и тинейджере» (2012), Роман Сенчин в «Елтышевых» (2009) и «Зоне затопления» (2016)... Зачастую написанные не изнутри, а извне: вот, попадает городской человек в деревню. Писателей, выросших в деревне, знающих ее, — все меньше; среди нынешних двадцати-тридцатилетних авторов их почти нет.

Как заметил в обсуждениях один из участников: «Деревня уходит... Авторов-то вырастим, а деревню уже не вернем».

23 октября, выезд в родное село писателя, Тимонику. Микроавтобус с участниками Чтений; вдова писателя, Ольга Сергеевна; дочь писателя, Анна Васильевна. Недолгое солнце сменилось затяжным холодным дождем.

По дороге остановка — в селе Шапше, в местной библиотеке. Пока согреваемся чаем, оглядываю книжные полки и расспрашиваю о поступлениях. Что-то закупают (единицы); что-то доходит благодаря волонтерскому движению «Помощь сельским библиотекам Русского Севера». А литературная периодика, толстые журналы? Печальная улыбка.

Что говорить, если и в областную библиотеку ни «Дружба народов», ни многие другие известные толстые журналы не поступают — не хватает финансирования. Дело привычное...

Шапша (и Тимониха, куда мы едем) — в Харовском районе. Как и большинство сельских районов, демографически «мелеющий». Еще двадцать лет назад, в 2002 году, было более двадцати тысяч жителей; сегодня — чуть больше тринадцати. В шапшинской школе — тринадцать учеников, по два-три в классе; свозят из нескольких сел. Недавно хотели закрыть роддом. Роддом отстояли.

То и дело проносятся почерневшие развалившиеся избы. Почему-то вспомнились темные остовы кораблей на высохшем Арале.

Есть вроде и живые строения. Да, в коронавирусе многие скупил себе под дачи, лето здесь проводят. Леса, озера, рыбалка. Не было, как говорится, счастья...

Постояли над могилой Белова. Рядом церковь, которую писатель спас от сноса, а потом, когда сам, когда вместе с друзьями-знакомыми, восстанавливал.

Белая колокольня развороченной церкви явственно выделялась на спокойном, по-осеннему кротком небе. Зыбкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, и синенькое небо, отраженное ею, казалось чище настоящего, верхнего неба.

На кладбище, в старых вербах, тенькали синички.

Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку, на желтые ясные березы вдали.

Только в этот раз небо было не синим, а серым, мокрым; и под холмом с белевшей церковью поблескивало озеро...

А еще было выступление мужского хора Вологодской филармонии; неторопливое посещение избы писателя в Тимонихе, сытное застолье в поселковой библиотеке в Поповке. Обо всем не напишешь, да и нужно ли?

Завершается формирование канона литературы позднесоветского периода. Черно-белая оптика сменяется более сложной, с большим количеством оттенков. Еще не так давно в, условно говоря, либеральном лагере классиками оказывались большей частью диссиденты и полудиссиденты, а главным литературным событием считалось издание «Метрополя». В противоположном, «консервативном», лагере деление на своих и чужих так же было преимущественно идеологическим. С 2010-х это начинает меняться.

Не то чтобы все помирились и обнялись (и на Чтениях, особенно на пленарной сессии, эта разность вполне ощущалась)... И все же прежние, родом из позднесоветской литературной борьбы, разногласия отступают: сказывается растущая временная дистанция. Кроме того, художественная литература — к счастью или к сожалению — перестала быть инструментом политического влияния. Накал страстей упал, приходит более взвешенный, интегральный подход.

И с прозой Василия Белова — и с «Обычным делом» как одним из лучших ее образцов — происходит нечто подобное. Когда-то Фёдор Абрамов писал, что «“Привычное дело” приняли все: и “либералы”, и “консерваторы”»¹. Сегодня оно снова объединяет людей самых разных взглядов. Как это и положено литературной классике. Как это и должно быть. Дело привычное.

¹ Абрамов Ф. Деревеньку зовут Тимониха // «Север». 1982, № 10. С. 92.

Борис Минаев

Театр в эпоху революции

Театральные программки я никогда не выбрасывал, какими бы толстыми или, наоборот, худыми они ни были, — складывал сначала в коробку из-под обуви, потом купил в Икее специальный ящик, картонный, довольно большой, туда запихивал все: и билеты, и буклеты, и программки. Недавно перевернул его в поисках одной вещи, и...

На меня рухнул целый забытый мир.

Совершенно забытые спектакли, фестивали, выставки, концерты, проспекты событий, визитные карточки, купленный в Нью-Йорке в супермаркете за чем-то журнал о современной американской литературе на английском, пытался разобраться в этом хаосе сначала, это был какой-то странный срез моего личного мира за целых двадцать лет, потом махнул рукой. Стал запихивать все обратно — коробка оказалась уже мала. Нужно сортировать, аккуратно и бережно...

В свое время на меня огромное впечатление произвела история, связанная с Владимиром Александровичем Крючковым, последним председателем КГБ СССР, членом ГКЧП (в этом году исполнилось 30 лет августовскому путчу). Так вот, когда его арестовали и отправили в Лефортово, пишет в своей книге «Кремлёвский заговор» тогдашний генеральный прокурор России Валентин Степанков, главный чекист очень волновался, чтобы при обыске не затерялась и не пострадала его коллекция театральных программ, которые он собирал десятки лет.

Честно говоря, меня это поразило. Днем бывший помощник Андропова, потом начальник Первого главного управления, а потом и просто шеф КГБ трудился на ниве безопасности, отдавал приказы, проводил совещания, кого-то арестовывали, за кем-то следили, он все это знал, конечно, — а вечером, с женой и премьерным букетом, Владимир Александрович спешил насладиться новой постановкой — во МХАТе у Олега Ефремова и в театре Маяковского у Андрея Гончарова, в «Ленком» и «Современнике», на Таганке и в Большом, всюду были свои любимцы, свои фавориты — предположим, Алла Демидова и Ольга Яковлева, Евгений Евстигнеев и Александр Калягин, да мало ли кто.

Да-да, он тоже все это очень любил, представьте себе... И уж наверняка содержал свою коллекцию в полном порядке, у меня тут даже сомнений нет — каждая программка надписана, обозначены год и дата, все разложено по десятилетиям (а может, по театрам?) — не то что у меня.

Кстати, никакой злой иронии здесь нет — ей богу. Тут мы с Владимиром Александровичем в каком-то смысле и братья по разуму, и товарищи по несчастью: зачем мы оба держали дома это бесполезное барахло, одному богу известно. Ну и кроме того, может быть, именно эта его утрированная «интеллигентность», тяга к искусству спасли в том роковом августе 1991 года тысячи москвичей, стоявших у стен Белого дома и защищавших свою революцию, свою свободу, свою демократию.

Слишком слабым голосом, слишком нерешительно отдал Крючков свой решающий последний приказ (а он-таки его отдал) — и путч сорвался.

Но мне, пожалуй, и не нужно искать программки (на театральных программках даты к тому же почти никогда не ставят), чтобы освежить в памяти театральную атмосферу 90-х — я ее и так хорошо помню.

«Московский хор» Петрушевской — премьера в МХТ (тогда еще им руководил Олег Ефремов), очередь в театральном буфете за сосисками. Не за вареными, нет, за сырыми, как в магазине! Вдруг кто-то из зрителей заметил, что дают вразвес, и сосиски очень хорошие, «мясные», не синеватого привычного советского цвета (своих артистов, что ли, решили подкормить, и вдруг осталось? до сих пор не знаю) — и вот один, другой, третий зритель встал в привычную очередь, застенчиво поглядывая в разные стороны, стоим ждем, чтобы погрузить в сумки и пакеты прекрасную эту снедь (а что, дома дети кушать просят!) — первый звонок прозвенел в антракте, второй, третий, а мы все стоим...

И смех, и грех.

Зимние каникулы, конец 1998-го, мы с сыном идем смотреть «Барышню-крестьянку» (в главной роли Кристина Орбакайте, это, кстати, ее диплом в театральном вузе у режиссера Натэллы Бритаевой в театре Ермоловой). Спектакль хороший, милый, Орбакайте (как ни странно) тоже совершенно прекрасна, но на улице лютый мороз, мама просит нас обоих надеть по два свитера, и все равно в зрительном зале зуб на зуб не попадает! Спектакль дневной, натопить помещение не успели, да и то сказать — недавно прошел дефолт! Слава богу, что батареи хоть как-то греют, а свет в театре РАО ЕЭС не отключило за долги!

Греемся внутренним теплом...

Театр «Эрмитаж» — он еще там, на прежнем месте, в саду «Эрмитаж». Худрук Левитин ставит одну премьеру за другой, но помещение у него уже пытаются отобрать, бандиты угрожают и интригуют, да и само здание в аварийном состоянии. Спектакль «Капнист, или Туда и обратно» (правда, он был выпущен уже в нулевые) — зрителей на балкон уже не пускают, он может рухнуть, зато по ходу действия туда в одиночестве выходит артист, играющий Павла Первого в ослепительно-белом костюме. Мы смотрим на него снизу и думаем: да, лишь бы балкон не обвалился!

Но помнится атмосфера театра тех лет, конечно, не подобного рода анекдотами, а, напротив, каким-то теплом, искренней, отчаянной зрительской благодарностью — вообще говоря, за все. За декорации и за игру, за пьесу и постановку, за яркий свет рампы, неважно, — театр в этот момент служит коллективным психотерапевтом, он спасает от страха и чувства одиночества, он возвращает привычные социальные рефлексы и создает, может быть, обманчивое, чувство защищенности. И пусть зрители не могут себе позволить порой даже рюмку коньяка в буфете, и пусть разодеты они тоже не то чтобы в пух и прах, и пусть современная 90-м драматургия пугает депрессией и ужасами реальности (как в «Чёрном молоке» и «Пластине» Сигарева) — ощущение нерядового праздника, отвоёванного у жизни, — это сейчас главное.

90-е — это годы, когда рождается новое. Везде рождается — в сфере экономики, несмотря на жуткую инфляцию и нестабильность, каждый день появляются на свет новые виды экономической деятельности и новые экономические субъекты: фирмы и предприятия, торговые марки и биржи, да чего только не рождается. В масс-медиа — рождаются новые газеты и журналы, новые телеканалы. В культуре — растут как грибы издательства и галереи. Люди пробуют заниматься (впервые лет за сто) независимой от государства культурной политикой, неужели выйдет? И у многих выходит.

Ну и наконец, театры.

...Оказывается, теперь можно организовать свой независимый театр. Эта идея увлекает многих. Большинство из них появляется, правда, уже в конце 80-х, но статус

и аудиторию окончательно формирует в 90-е. Самые яркие (для Москвы) примеры — это театр-студия Петра Фоменко, театр Анатолия Васильева «Школа драматического искусства», «Школа современной пьесы» Иосифа Райхельгауза.

Чуть задержусь, пожалуй, на последнем примере.

Впервые я пришел в театр «Школа современной пьесы» по заданию редакции (тогда я работал в «Огоньке»). А дело было в том, что актер Владимир Стеклов, игравший в театре, решил записаться в отряд космонавтов. Никуда он тогда не полетел, но идея была. Меня это страшно заинтересовало, и вот я пошел знакомиться с художественным руководителем, чтобы взять у него интервью.

«А давайте я вам кое-что покажу», — загадочно сказал Райхельгауз. Мы спустились в подвал с кирпичными сводами, и Иосиф Леонидович кивнул куда-то вниз, в темноту.

Оказывается, там текла река. Неглинка! Темный поток, шум воды. Прямо под театром... Это меня настолько убило, что я как-то сразу изменил план статьи. Актер Стеклов, уносящийся в космос времени, теперь у меня стал уноситься туда прямо из глубины веков. (Так что идея совсем не новая, кстати.)

Приказ об открытии театра был датирован мартом 1989 года. Еще не собрался Первый съезд народных депутатов, еще Ельцин не прочел декларацию о государственном суверенитете России, еще не пошли танки 19 августа 1991-го, еще не загорелся Белый дом в октябре 1993-го, а Райхельгауз уже получил ключи (фигурально говоря) от нового театра, на сцене которого уже *все* было по-другому. Это был такой бешено экспериментирующий театр, причем я бы сказал, не для, а вместе со зрителем, который благодарно дышал в такт, когда Татьяна Васильева пела, танцевала, жонглировала и чуть ли не показывала фокусы в «балете, цирке и опере» по мотивам «Дон Кихота»¹ (три вечера подряд!), когда покоряла своим потрясающим клоунским даром, причудливо смешанным с блистательной женской красотой, Любовь Полищук в спектакле «А чой-то ты во фраке?», когда Акунин писал издевательский парафраз «Чайки», где персонажи с ужасом открывали для себя девять или десять версий убийства Треплева.

Константин Аркадьич застрелился. «Чайка»², которую тоже поставили в трех вариантах: детективный вариант Акунина, оперетку Журбина и Жука, наконец, серьезного Чехова, вполне себе драматического, в котором стрелялся не кто-нибудь, а телеведущий Александр Гордон, вообще стала ключевой темой для театра; и я был поражен, когда впервые увидел эту серьезную, не шуточную «Чайку». Происходило все в малом зале, где когда-то располагался зимний сад. Это была, пожалуй, лучшая «Чайка» в моей жизни.

Вот это самое *сотворчество* («давайте негромко, давайте вполголоса») — оно стало ключевой темой для театра 90-х вообще. Отсюда — из сотворчества — родился и героизм первопроходцев.

Ведь подумайте сами, что тогда значило открыть новый театр?

Это городские власти, это пожарники, санэпидемстанция, это черт знает какие законы, по которым нужно нанимать на работу людей и увольнять их, это касса, которую нужно заполнять, это буфет, в котором нужно чем-то кормить в голодные годы.

Слегка цитируя здесь свои собственные заметки на полях ужасного пожара, который случился в театре «Школа современной пьесы» в 2013 году, — не могу не поставить и значок нотабене: да, в 90-е худрукам пришлось всерьез задуматься о таких вещах, как наполняемость зала, самоокупаемость, поддержка спонсоров и городских властей, отношения с милицией и пожарной охраной, с трудовым кодексом и законодательством, ну и много еще о чем. В этом смысле для театров (и старых и новых) наступила совершенно новая эпоха — эпоха выживания. Есть в этом смысле

¹ «...С приветом, Дон Кихот!» — спектакль, 1997 г.

² «Антон Чехов. Чайка» — спектакль, 1998 г.

у театра 90-х страницы, которые вспоминать не очень хочется: если, например, для «Современника» нашлись спонсоры, которые довольно устойчиво додержались вплоть до наших времен, все-таки сохранив солидное реноме, не буду сейчас поминать их всуе, то для «Ленкома» такого спонсора не нашлось, и где сейчас тот, чье имя стояло на каждой афише и программке театра в 90-е, один бог ведает.

И тем не менее люди эти — героические на самом деле создатели новых театральных пространств в прямом и фигуральном смысле — рисковали и шли навстречу эпохе и всем ее вызовам.

Причем шли совсем разными путями. Райхельгауз с самого начала создавал театр-клуб, театр как тесную компанию (актеров и зрителей), поэтому на сцене постоянно происходили и не-театральные события: вечера поэзии и театральных баек (довольно знаменитые в 90-е и 2000-е годы), на Трубной площади 9 мая театр устраивал фестиваль Окуджавы, и милиция в этот день перегораживала Трубную площадь. И в этом смысле — для создания именно клубного театра — худруку был необходим классический театральный уют: с буфетом и гардеробом. А вот Михаил Угаров и Елена Гремина, основатели Театра.doc (и его предшественника, Центра драматургии и режиссуры), — забравшись в подвал в Большом Козихинском переулке, в это тесноватое и страшноватое пространство, в самом прямом смысле пространство андеграунда, — решились на полную театральную схиму и простоту: тут не было ни буфета, ни гардероба, ни ремонта, ни даже билетиков и программ. Пальто и то не всегда было куда повесить. У них в театре всегда было темно, как-то холодновато, не хватало для всех стульев, пахло пылью и ремонтом — и было все-таки потрясающе и прекрасно.

И тут мы, наверное, переходим к главному. Театр 90-х — это прежде всего разлетевшаяся на куски, на астероиды, на спутники и звезды, планета (или вселенная?) советского театра. Планета была большая, многонаселенная, но какая-то уже слегка остывшая. И слишком ровная, одинаковая (несмотря на все видимые различия).

90-е годы открыли дорогу экспериментам. Их было настолько много, что для того, чтобы их даже просто коротко описать, зафиксировать, — понадобится целая книга. И дело тут не в том, что появилось много новых театров (хотя да, их появилось очень много). Главное — что все они стали совершенно непохожи друг на друга.

Я уже упомянул о том, что Театр.doc в 2002 году родился как прямой наследник Центра драматургии и режиссуры под руководством М.Рощина и А.Казанцева, который, в свою очередь, появился в 1998-м и базировался сначала в Музее Высоцкого, рядом с театром на Таганке, в переулке. Там тоже, кстати, было плоховато и с программками, и с буфетом, но хоть вешалка была...

Но ведь это не просто два родственных коллектива, — а целое направление в искусстве, родившееся тоже в 90-х. Потом его назвали «новая драма», потом образовался семинар молодых драматургов в Любимовке, целая драматургическая школа — но сначала было лишь намерение: быть не как все.

И надо сказать, это намерение, этот символ веры быстро нашел своих adeptов — появились братья Пресняковы, Сигарев, Вырыпаев, появились режиссеры, радостно бросившиеся на этот новый материал: Субботина, Серебренников и другие; появилась, наконец, технология вербатим-пьесы — и студенты с диктофонами «вышли в народ», чтобы говорить с «простыми людьми», работать с «историями» из гуши жизни, потом были сброшены и забыты целые слои театральных табу: на сцену хлынули леденящие кровь маргинальные сюжеты, тяжелое социальное дно разверзлось перед пришедшими зрителями, во весь голос зазвучала нецензурная лексика, обозначающая собой «эпоху правды».

Да, правда... «Правда» — ключевое слово для театра тех лет. В чем правда? Где она? Для меня, например?

Помню свое впечатление от спектакля «Ощущение бороды» — пьесы трагически

рано ушедшей из жизни Ксении Драгунской. Поставлена она была в Центре драматургии и режиссуры, правда, уже в 2002 году, в год основания Театра.doc, — но задумывалась, вырастала и писалась, конечно же, раньше. Пьеса совсем не городская, скорее деревенская, наполненная деревенскими запахами и голосами, странными, потерянными в обрушившейся социальной жизни персонажами, их страхами, предрассудками и мифами, — но главным в ней было вот это чувство открытости, незащитности, хрупкости и оттого невероятной ценности человека.

Это были очень тонкие, нежные смыслы, — и язык для них Драгунская создала особый, свой. И этот язык, чуть обрывистый, запутанный, но упрямый, как следы на снегу, — и стал для меня фирменным знаком 90-х.

С другой стороны, в то же самое время сформировалось внутри этой расколовшейся на части вселенной советского театра (да, все-таки вселенной, а не планеты) — иное, просто прямо противоположное течение. Фоменко, Женовач, их последователи. Они работали как неоклассики, глубоко погружаясь в театральную традицию, в медитацию жеста и голоса, в прочитанные заново хрестоматийные тексты.

Я помню, как заворожил меня буквально «Идиот» на Малой Бронной, который поставил Женовач, — три вечера, три спектакля. Удивительный Сергей Тарамаев в роли Мышкина (после 90-х он вообще уйдет из театра, не станет сниматься ни в сериалах, ни в кино), тонко сплетенная ткань спектакля, в самой долготе, неспешности, протяженности (тогда невозможной) которого таилась загадка.

Эта работа (равно как и все работы Фоменко и его учеников: Крымова, Женовача, Каменьковича) — словно очищала театр от ложной эстрадности, слепящей яркости, от нарочито зрелищных ходов, это была как бы театральная йога — тут хотелось глубоко дышать и медитировать. Освобождаясь от лишнего.

Я мог бы назвать еще целый ряд театральных стилей, например, капризный, ярко-зрелищный, декадентский театр Бориса Юхананова (который теперь реализует свои идеи в Электротеатре «Станиславский»), карнавальный и площадной «народный» театр Николая Коляды, второй состав «Табакерки» — все они родом из 90-х.

Для меня самый сильный образ театра 90-х (просто зрительный образ) — это спектакль «N», поставленный силами независимых продюсеров, где Александр Феклистов и Олег Меньшиков играли историю Дягилева и Нижинского, знаменитый русский сюжет начала XX века. Так вот, в конце спектакля Олег Меньшиков вылетал в открытое окно, прямо во двор с третьего, кажется, этажа. Да, мы знали, что там, где-то внизу — во дворе старого здания Поливановской гимназии на Остоженке для него расстелен матрас или батут, но мурашки бежали по коже: это был сильнейший образ всей нашей эпохи, только начинавшейся тогда, — скорей сломать все рамки, скорей выпрыгнуть за пределы реальности, расквитаться с наличным бытием и его скучными долгами, воспарить и взлететь!

Были, конечно, в 90-е и свой гламур, и свой мейнстрим, и своя попса (пышным цветом расцвели антрепризы, например, с популярными некогда киноактерами, вышли на сцену телеведущие, давили на слезные железы авторы скрипучих мелодрам) — и неслучайно с ними со всеми воевали, как с ветряными мельницами, с одной стороны Угаров, с другой — Женовач, с третьей — Юхананов, но... Но писать об этом как-то скучновато. Забылся этот мейнстрим, и забылся этот гламур 90-х.

А вот достижения, прорывы — остались. Осталось великое наследие тех свободных лет.

Как и вообще о 90-х, так и конкретно о театре того времени — будут еще написаны целые тома. А мы пока просто вспомним и подумаем: зря или не зря шли эти сражения?

Думаю, что все же не зря. За революцией всегда приходит реставрация, наступает скучное и медленное время.

Но революция не может быть забыта — с ее героями, экспериментами и прорывами. С ее духом свободы.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2021 ГОД

Авторы «ДН» (№№ 1–12)

АБАДЖЯНЦ МИКАЕЛ (VI)	ВОЛОСЮК Иван (V)
АБДУЛЛАЕВ Евгений (I, II, III, IV, VI, VIII, X, XII)	ВОЛЧКОВ Константин (III)
АБДУЛЛИНА Нелли (III)	ВОЛЬТСКАЯ Татьяна (IX)
АЗАЕВА Эвелина (VI)	ВОРОБЬЁВ Вячеслав (IX)
АЙРАПЕТЯН Валерий (XII)	ВОРОПАЕВА Анна (IX)
АЛБУЛ Елена (XII)	ВЯХЯКУОПУС Елена (III)
АЛЕКСАНДРОВ Николай (II, V, VII, XI)	ГАБРИЭЛЯН Нина (V)
АЛЕКСЕЕВА Надя (XI)	ГАЛГУТ КАТЕРИНА (I)
АЛЁХИН Алексей (IX)	ГАЛЬПЕР Александр (II)
АЛИ Турсун (I)	ГАНДЕЛЬСМАН Владимир (VII, XII)
АМИРХАНЯН Кари (VI)	ГАТИНА Алина (II)
АНОЦКИЙ Валентин (IX)	ГЕДЫМИН Анна (VIII)
АНУФРИЕВА Мария (XI)	ГЕРТМАН Ольга (V, XI)
АРИШИНА Наталья (IX)	ГОЛУБОВИЧ Ксения (XII)
АРТИС Дмитрий (II, VI, VIII, X)	ГОНЧУКОВ Арсений (III)
АФЛАТУНИ Сухбат (I)	ГОРОШКО Ирина (XI)
АХХ Янина (X)	ГРАТТ Георгий (VII)
БАВИЛЬСКИЙ Дмитрий (I, VI)	ГРИГОРЕНКО Александр (XII)
БАЛЛА Ольга (I, III, V, VII, IX, XI)	ГРИГОРЬЕВА Лидия (II)
БАРАНОВА Евгения Джен (II, III)	ГУРЕЕВ Максим ((XI)
БАТАЛИОН ДЖУДИ (V)	ГУЦКО Денис (IV)
БЕРШИН Ефим (IX)	ДАБЕЙ Ырысбек (IV)
БЛАГОВА Даша (VIII)	ДАЙРАБАЕВА Маншук (IX)
БОГДАНОВА Вера (XI)	ДЕКИНА Женя (II, VIII)
БОРИСОВА Ксения (III)	ДЕМИН Владимир (IV)
БОЯШОВ Илья (I)	ДЕРЮГИНА Александра (IV)
БРЕЙНИНГЕР Ольга (II)	ДИМИДОВ Александр (XII)
БРУШТЕЙН Ян (V)	ДМИТРИЕВ Андрей (III)
БУГОСЛАВСКАЯ Ольга (IV, VIII)	ДОЛГОПЯТ Елена (XII)
БУКША Ксения (XI)	ДОЛЯ Артур (X)
БУНИМОВИЧ Евгений (XI)	ДОРОНИНА Ирина (V)
БУРОВ Алексей (II, VI, IX)	ДРАГУНСКИЙ Денис (XII)
БУХАРАЕВ Равиль (X)	ДЪЯКОНОВ Евгений (IX)
БУШКОВСКИЙ Александр (I)	ЕВСЮКОВ Александр ((VIII)
ВАЛЕВСКИЙ Анатолий (III)	ЕЛАГИНА Елена (VI)
ВАСИЛЬКОВА Ирина (IV)	ЕРМОЛАЕВ Владимир ((VII)
ВАСЮНОВ Максим (I)	ЕРМОЛОВИЧ Елена (X)
ВЕРГЕЛИС Александр (VII)	ЕФРЕМЕНКОВА Юлия (X)
ВЕРЕЩАГИН Андрей (VIII)	ЖУКОВА Алёна (II)
ВИТУХНОВСКАЯ Алина (VII)	ЗАВТУР Андрей (VI)
ВОЛОС Андрей (IV, V)	ЗАКРУЧЕНКО Мария (I)

- ЗВЕРЕВА Дарья (IV)
ЗЛОТНИКОВА Ольга (XI)
ЗОЛОТАРЁВ Сергей (II, VII)
ЗУБАРЕВА Вера (IX)
ИВАНИЦКАЯ Елена (IV)
ИВАНОВ Алексей (XII)
ИСХАКОВ Джасур (VI)
КАБАНОВ Александр (X)
КАГАНОВИЧ Михаил (XII)
КАГРАМАНОВ Юрий (VIII)
КАЗИТЫ Мелитон (X)
КАЛАШНИКОВ Сергей (II)
КАМИНСКИЙ Евгений (III)
КАН Александр (VIII)
КАНАБЕЕВ Герман (XII)
КАПОВИЧ Катя (IV)
КАРЦЕВ Пётр (VIII)
КАТАЕВ Ярослав (VIII)
КАЦОВ Геннадий (VIII)
КЕНЖЕЕВ Бахыт (VII)
КЛИМОВСКИ Керен (XI)
КЛИМОВ-ЮЖИН Александр (IX)
КОБРИН Кирилл (II)
КОЛЕСНИК Любовь (VIII)
КОЛЕСНИКОВ Алексей (IX)
КОЛЕСНИКОВ Андрей (IV)
КОЛЕСНИКОВА Ирина (VI)
КОМАРОВ Константин ((II, IV)
КОНТУКОВ Никита (XI)
КОРИОНОВ Олег (IV)
КОРНИЕНКО Игорь (V)
КОРОЛЁВ Андрей (IX)
КОЧЕРГИН Илья (XII)
КРУСАНОВ Павел (IV)
КРЮКОВА Елена (XII)
КУБАТЬЯН Георгий (X)
КУДАСОВА Наста (II)
КУДИМОВА Марина (VI)
КУДРЯВЦЕВА Екатерина (V)
КУЗНЕЦОВ Игорь (IV, VI)
КУЗНЕЦОВА Инга (II)
КУЛЕШОВА Сюзанна (XI)
КУЛЕШОВА Юлия (II)
КУПРЕЯНОВ Иван (II)
КУРБАНОВ Курбангельды (IX)
КУРМАНГАЛИНА Яна-Мария (II, IV)
ЛЕБЕДЕНКО Сергей (I)
ЛЕПИШЕВА Елена (II, IV, VII)
ЛИДСКИЙ Владимир (V, XI)
ЛЮСЫЙ Александр (II, VII)
МАКОША Олег (V)
МАЛАШЕНКО Алексей (I, XII)
МАЛЫШЕВ Игорь (V)
МАМАЕВ-НАЙЛЗ Илья (I)
МАМЕДОВА Айгюн ((VIII)
МАРК Григорий (X)
МАРКЕЛОВ Сергей (VIII)
МАРКИНА Анна (II, V)
МАРКИШ Давид (I)
МАРЧЕНКО Марк ((VI)
МАСЛОВ Сергей (V)
МЕЛИХОВ Александр (I, V)
МИНАЕВ Борис (I — XII)
МИХАЙЛОВА Ольга (XI)
МЛЫНЧИК Татьяна (XI)
МОСКВИНА Марина (XII)
МУРАВЬЁВА Ирина (XI)
НАЧКЕБИА Даур (VIII)
НИКОЛАЕВА Олеся (II, VII, VIII, XII)
НОВИКОВА Алена (IX)
О.КАМОВ (VIII)
ОБОРИН Лев (XI)
ОБУХ Арина (VI)
ОРЛОВ Александр (V)
ПАНКРАТОВ Георгий (III, XII)
ПЕППЕРШТЕЙН Павел (XII)
ПЕРЕСЛЕГИН Сергей (IV)
ПЕРМЯКОВ Андрей (V, VIII)
ПЕСТЕРЕВА Анна (V)
ПИСКУНОВ Валерий (VII)
ПОГОДИНА-КУЗМИНА Ольга (V)
ПОПОВ Сергей (VI)
ПОЛЯРИНОВ Алексей (XI)
ПРАШКЕВИЧ Геннадий (II, VI, IX)
ПУСТОВАЯ Валерия (I, III)
РОТМАН Пётр (III)
РУБАНОВ Андрей (XI)
РУБАНОВ Роман (XI)
РУМЯНЦЕВ Дмитрий (VII)
РУСС Анна (I)
РЫБИН Александр (V)
РЫСКУЛОВ Рамис (V)
РЯБОВ Олег (IV)
РЯШЕНЦЕВ Юрий (VI)
САЛИМОН Владимир (I)
САЛОМАТИН Алексей (II)

САФРОНОВА Елена (I, IV, VI, X)	УСТИМЕНКО Алексей (VI)
СГИНЬ Лёнька (VIII)	ФАЛИКОВ Илья (III)
СЕКИСОВ Антон (XI)	ФАМИЦКИЙ Андрей (I)
СЕЛИН Александр (X)	ФЕТ Эгвина (XI)
СЁМИНА Лада (VIII)	ХАНОВ Булат (XI)
СЕРЕБРЯНСКИЙ Юрий (IV)	ХАРЛАМПЬЕВА Наталья (X)
СИМОНОВ Сергей (XII)	ХОДИКЯН Каринэ (X)
СИНИЦЫНА Людмила (III)	ХУММЕДОВ Чары (VIII)
СИРОТИН Дмитрий (XI)	ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий (II, X, XI)
СМИРНОВ Роман (VI)	ЧАНЦЕВ Александр (III, VI, IX, XII)
СОЛОГУБ Евгений (IV)	ЧЖОУ Лу (II)
СТАХОВ Дмитрий (IV, V, VIII)	ЧИЖОВ Евгений (XI)
СТЕПАНОВ Евгений (XII)	ШАБАЛИН Сергей (V)
СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга (II)	ШАПОВАЛОВ Вячеслав (V, VIII)
ТАДТАЕВ Тамерлан (X)	ШАПОШНИКОВА Татьяна (I)
ТАЖИ Айгерим (VIII)	ШАРИФУЛЛИНА Эля (XII)
ТАРН Алекс (I)	ШАХВЕРДЯН Лиана (IX)
ТЕР-АБРАМЯНЦ Амаяк (VI)	ШЕВАРОВ Дмитрий (XI, XII)
ТИРКИШОВА Язгуль (VIII, IX)	ШЕВЧЕНКО Ганна (XI)
ТОРК Алексей (IX, XII)	ШИПИЛОВА Анна (II)
ТРЕНИН Владимир (VII)	ШРАЕР Максим Д. (IV)
ТРИФОНОВА Анастасия (VI)	ШУЛЬГИН Николай (IX)
УЛЬЯНОВА Юлиана (III)	ЭШ Татiana Тейт (IV)
УМАРОВА Ася (X)	ЯКУТСКИЙ Александр (X)

ПРОЗА

(романы, повести, рассказы, новеллы, сказки, притчи)

АБАДЖЯНЦ Микаел. Гвоздь. <i>Рассказ</i>	VI,	168
АБДУЛЛИНА Нелли. Сын обетования. <i>Отрывок из романа</i>	III,	7
АЗАЕВА Эвелина. Полукровка. <i>Рассказ</i>	VI,	204
АЛБУЛ Елена. Запах кофе. <i>Рассказ</i>	XII,	125
АЛЕКСЕЕВА Надя. Два рассказа	XI,	125
АЛЁХИН Алексей. Просто проза. <i>Рассказы</i>	IX,	141
АНОЦКИЙ Валентин. Эпоха № 6. <i>Рассказ</i>	IX,	154
АХХ Янина. Из цикла «Недоаморы»	X,	176
БЛАГОВА Даша. Расскажите мне о змеях. <i>Рассказ</i>	VIII	174
БОЯШОВ Илья. Морос, или Путешествие к озеру. <i>Авантюрный роман</i>	I,	8
БУШКОВСКИЙ Александр. Чудо. <i>Рассказ</i>	I,	146
ВАЛЕВСКИЙ Анатолий. Эльза. <i>Рассказ</i>	III,	183
ВАСЮНОВ Максим. В кайф. Два «дымных» рассказа	I,	22
ВЕРГЕЛИС Александр. В поисках бедного Йорика. <i>Рассказ</i>	VII,	30
ВЕРЕЩАГИН Андрей. Два рассказа	VIII	67
ВОЛОС Андрей. Мешалда. <i>Книга семейных рецептов</i>	IV,	6
.....	V,	101
ВОЛЧКОВ Константин. «Февр...». <i>Рассказ</i>	III,	190
ГАЛЬПЕР Александр. Побег из зимы. <i>Рассказ</i>	II,	129
ГАТИНА Алина. Саван. Второе дыхание. <i>Роман</i>	II,	8
ГОНЧУКОВ Арсений. Принц. <i>Рассказ</i>	III,	178
ГОРОШКО Ирина. Рассказы	XI,	173
ГРАТТ Георгий. Русский Стикс. <i>Роман</i>	VII,	8
ГРИГОРЬЕВА Лидия. Термитник пев. <i>Роман в штрихах</i>	II,	96
ГУРЕЕВ Максим. Сова. <i>Рассказ</i>	XI,	151
ГУЦКО Денис, ЗВЕРЕВА Дарья. Сорокопуты. <i>Рассказ</i>	IV,	131
ДАЙРАБАЕВА Маншук. Между Европой и Азией. <i>Рассказ</i>	IX,	172
ДЕКИНА Женя. Баг. <i>Рассказ</i>	II,	147
ДЕКИНА Женя. Кропаль. <i>Роман</i>	VIII,	7
ДЕМИН Владимир. Разговор. <i>Рассказ</i>	IV,	165
ДИМИДОВ Александр. Стервы. <i>Рассказ</i>	XII,	134
ДОЛЯ Артур. Первый. Второй. <i>Роман</i>	X,	10
ЕРМОЛАЕВ Владимир. Движение на закат. <i>Фрагмент романа</i>	VII,	78
ЕРМОЛОВИЧ Елена. Два рассказа	X,	165
ЕФРЕМЕНКОВА Юлия. Всё не то. <i>Рассказы</i>	X,	184
ЖУКОВА Алёна. Смертные грехи вещей. <i>Притчи эпохи пандемии</i>	II,	155
ЗАВТУР Андрей. Записки таёжного лекаря. <i>Отрывок из повести</i>	VI,	180
ЗВЕРЕВА Дарья, ГУЦКО Денис. Сорокопуты. <i>Рассказ</i>	IV,	131
ЗОЛОТАРЁВ Сергей. Витька и Сухомлин. <i>Междуречье</i>	VII,	173
ИВАНОВ Алексей. Рассказы из сванской тетради	XII,	143
ИСХАКОВ Джасур. Ночь жёлтой луны. <i>Рассказ</i>	VI,	194
КАМИНСКИЙ Евгений. Отпалка. <i>Повесть</i>	III,	161
КАН Александр. Костюмер. <i>Рассказ</i>	VIII,	90
КАНАБЕЕВ Герман. Неделя. <i>Рассказ</i>	XII,	154
КАРЦЕВ Пётр. Грешенка. <i>Рассказ</i>	VIII	124
КАТАЕВ Ярослав. Рассказы	VIII,	61
КОЛЕСНИКОВ Алексей. Жертвоприношение. <i>Рассказы</i>	IX,	113
КОНТУКОВ Никита. «Кровь моя, за вас изливаемая». <i>Рассказ</i>	XI,	161
КОРИОНОВ Олег. Круговерть. <i>Рассказы</i>	IV,	141

	№	Стр.
КОРНИЕНКО Игорь. Месопотамия. <i>Рассказ</i>	V,	79
КОРОЛЁВ Андрей. Два рассказа	IX,	166
КРУСАНОВ Павел. Глухарь. <i>Рассказ</i>	IV,	120
КУДИМОВА Марина. Поля фильтрации. <i>Главы из романа</i>	VI,	7
КУДРЯВЦЕВА Екатерина. Мелкая моторика рук. <i>Рассказ</i>	V,	177
КУЗНЕЦОВ Игорь. Отставший. <i>Повесть про себя</i>	VI,	61
КУЛЕШОВА Сюзанна. Игры индиго. <i>Роман</i>	XI,	34
КУЛЕШОВА Юлия. Два разных рассказа	II,	110
ЛИДСКИЙ Владимир. Умри-воскресни. <i>Повесть</i>	V,	58
МАМАЕВ-НАЙЛЗ Илья. Words Unsaid. <i>Рассказ</i>	I,	152
МАМЕДОВА Айгюн. Старик решил умереть. <i>Рассказ</i>	VIII,	115
МАРКЕЛОВ Сергей. Воронка. <i>Рассказ</i>	VIII,	152
МАРКИШ Давид. Тиль-митиль. <i>Рассказ</i>	I,	140
МАРЧЕНКО Марк. ...И пусть остальное добавят потомки. <i>Рассказ</i>	VI,	215
МАСЛОВ Сергей. Два рассказа	V,	168
МЛЫНЧИК Татьяна. Ксения Петербургская позвонит. <i>Рассказ</i>	XI,	143
МОСКВИНА Марина. Три стороны камня. <i>Роман</i>	XII,	6
НАЧКЕБИА Даур. Рассказы. <i>С абхазского. Перевод автора</i>	VIII,	159
НОВИКОВА Алена. Выбор. <i>Рассказ</i>	IX,	147
О.КАМОВ. Песнь о Соколе. <i>Рассказ</i>	VIII,	109
ОБУХ Арина. Свободный переулочок. <i>Рассказы</i>	VI,	208
ПАНКРАТОВ Георгий. Пятеро. <i>Рассказы</i>	III,	129
ПЕСТЕРЕВА Анна. «Ящик, ящер, я щит». <i>Рассказ</i>	V,	90
ПISKУНОВ Валерий. Опыт Евангелия. <i>Метаноя</i>	VII,	183
ПОГОДИНА-КУЗМИНА Ольга. Птицы войны. <i>Повесть</i>	V,	6
РОТМАН Пётр. Истинное сияние чистого ума. <i>Повесть</i>	III,	93
РЯБОВ Олег. Укус лесной осы. <i>Рассказ</i>	IV,	182
СГИНЬ Лёнька. Сдвиг. <i>Рассказ</i>	VIII,	190
СЕЛИН Александр. Зелёный клин. <i>Рассказы</i>	X,	192
СЕРЕБРЯНСКИЙ Юрий. Часовой мастер. <i>Рассказ</i>	IV,	156
СЁМИНА Лада. 29.4. <i>Рассказ</i>	VIII,	180
СИМОНОВ Сергей. Унтерменш. <i>Повесть</i>	XII,	83
СИРОТИН Дмитрий. Красный свет детства. <i>Рассказы</i>	XI,	185
СОЛОГУБ Евгений. Там, где мрак сгустился. <i>Судьба из романа</i>	IV,	89
ТАДТАЕВ Тамерлан. Как я провёл лето. <i>Рассказы и повесть</i>	X,	93
ТАРН Алекс. Томик в мягкой обложке. <i>Рассказ</i>	I,	104
ТОРК Алексей. Феликс и Древоед. <i>Повесть</i>	IX,	76
ТРЕНИН Владимир. Рюмка Достоевского. <i>Рассказ</i>	VII,	162
УМАРОВА Ася. Рассказы	X,	129
УСТИМЕНКО Алексей. Барса-Кельмес. <i>Повесть</i>	VI,	129
ХОДИКЯН Каринэ. Запах хлеба и смерти. <i>Рассказ. С армянского.</i> <i>Перевод Татьяны Мартиросян</i>	X,	151
ШАПОШНИКОВА Татьяна. Созданы друг для друга. <i>Повесть</i>	I,	166
ШАХВЕРДЯН Лиана. Руки-реки. <i>Роман</i>	IX,	6
ШИПИЛОВА Анна. Пересортица. <i>Рассказ</i>	I,	142
ШУЛЬГИН Николай. «Чепяльная» сказка. <i>Рассказ</i>	IX,	100
ЯКУТСКИЙ Александр. Панты. <i>Рассказ</i>	X,	158

ПРОЗА.DOC		№	Стр.
БАТАЛИОН Джуди. Свет грядущих дней. <i>Неизвестные истории женщин — участниц Сопротивления в гитлеровских гетто. С английского. Перевод Ирины Дорониной</i>			
	V,	182	
ДОРОНИНА Ирина. Джуди БАТАЛИОН. Свет грядущих дней. <i>Неизвестные истории женщин — участниц Сопротивления в гитлеровских гетто. С английского</i>			
	V,	182	
РЫБИН Александр. Подавляя инстинкт войны. <i>Рассказы</i>			
	V,	202	
ПОЭЗИЯ (стихи и переводы)			
АЛИ Турсун. Стихи. <i>С узбекского. Перевод Сухбата Афлатуни</i>			
	I,	162	
АРТИС Дмитрий. В раю винтажном. <i>Стихи</i>			
	X,	89	
АРТИС Дмитрий. Наста КУДАСОВА. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода «Шкереберть»			
	II,	182	
АФЛАТУНИ Сухбат. Сколько имён у счастья. <i>Стихи</i>			
	I,	159	
АФЛАТУНИ Сухбат. Турсун АЛИ. Стихи. <i>С узбекского</i>			
	I,	162	
БАРАНОВА Евгения Джен. Наста КУДАСОВА. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода «Шкереберть»			
	II,	182	
БАРАНОВА Евгения Джен. Из несбывшихся сердец. <i>Стихи</i>			
	III,	126	
БЕРШИН Ефим. Пой, балалайка! <i>Стихи</i>			
	IX,	3	
БОРИСОВА Ксения. Круговода. <i>Стихи</i>			
	III,	188	
БРУШТЕЙН Ян. Группа риска. <i>Стихи</i>			
	V,	77	
БУХАРАЕВ Равиль. Стезя. <i>Стихи</i>			
	X,	206	
ВИТУХНОВСКАЯ Алина. Гамлет — попытка полёта. <i>Стихи</i>			
	VII,	159	
ВОЛОСЮК Иван. Масштабы тропы муравейной. <i>Стихи</i>			
	V,	3	
ВОЛЬТСКАЯ Татьяна. Карусель времён. <i>Стихи</i>			
	IX,	175	
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир. Стихи из «Велимировой книги»			
	VII,	73	
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир. В спокойном и беспрекословном свете. <i>Стихи</i> ...			
	XII,	3	
ГЕДЫМИН Анна. О драгоценных и не очень. <i>Стихи</i>			
	VIII,	121	
ДАБЕЙ Ырысбек. Обнимаю дороги. <i>Стихи. С казахского.</i> <i>Перевод Константина Комарова</i>			
	IV,	180	
ДМИТРИЕВ Андрей. Речь ныряет в омут лепета. <i>Стихи</i>			
	III,	88	
ДЬЯКОНОВ Евгений. Концерт для тишины. <i>Стихи</i>			
	IX,	111	
ЗЛОТНИКОВА Ольга. Как детский шарик золотой. <i>Стихи</i>			
	XI,	121	
ЗОЛОТАРЁВ Сергей. Стрекоза и глиссада. <i>Стихи</i>			
	II,	92	
ЗУБАРЕВА Вера. Между омегой, альфой и Одессой. <i>Стихи</i>			
	IX,	74	
КАБАНОВ Александр. Память — это стог, а в стогу — игла. <i>Стихи</i>			
	X,	3	
КАГАНОВИЧ Михаил. Так люблю. <i>Стихи</i>			
	XII,	140	
КАЛАШНИКОВ Сергей. Эхолов. <i>Стихи</i>			
	II,	153	
КАПОВИЧ Катя. Простой магнит. <i>Стихи</i>			
	IV,	86	
КЕНЖЕЕВ Бахыт. Новые нравоучительные стихотворения Ремонта Приборова			
	VII,	4	
КЛИМОВ-ЮЖИН Александр. Не быстротечность минувшего года. <i>Стихи</i>			
	IX,	151	
КОЛЕСНИК Любовь. Человек человеку труд. <i>Стихи</i>			
	VIII,	57	
КОЛЕСНИКОВА Ирина. Так начинаются слова. <i>Стихи</i>			
	VI,	59	
КОМАРОВ Константин. Чистого воздуха нерв. <i>Стихи</i>			
	IV,	177	

	№	Стр.
КОМАРОВ Константин. Ырысбек ДАБЕЙ. Обнимаю дороги. Стихи. <i>С казахского.</i>	IV,	182
КУБАТЬЯН Георгий. Обойди Армянское нагорье. Стихи	X,	147
КУДАСОВА Наста. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. Перевели Дмитрий АРТИС, Евгения Джен БАРАНОВА, Инга КУЗНЕЦОВА, Яна-Мария КУРМАНГАЛИНА, Анна МАРКИНА, Ольга СУЛЬЧИНСКАЯ		
Студия сравнительного поэтического перевода «Шкереберть»	II,	182
КУЗНЕЦОВА Инга. Наста КУДАСОВА. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. <i>С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода</i>		
«Шкереберть»	II,	182
КУПРЕЯНОВ Иван. Хороший год, хороший год, хороший. Стихи	II,	138
КУРМАНГАЛИНА Яна-Мария. Наста КУДАСОВА. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. <i>С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода</i>		
«Шкереберть»	II,	182
КУРМАНГАЛИНА Яна-Мария. Когда тебе чуть за двадцать. Стихи	IV,	3
МАЛЫШЕВ Игорь. Память моя, мошек рой. Стихи	V,	98
МАРК Григорий. Глагол и ему наречённая вещь. Стихи	X,	190
МАРКИНА Анна. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. <i>С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода</i>		
«Шкереберть»	II,	182
МАРКИНА Анна. Жёрдочка-человечек. Стихи	V,	164
МИХАЙЛОВА Ольга. Для Бога времени нет! Стихи	XI,	190
НИКОЛАЕВА Олеся. «На корабле зимы». Стихи	II,	3
ОРЛОВ Александр. Говоря о войне. Стихи	V,	55
ПОПОВ Сергей. Божий карандаш. Стихи	VI,	126
РУБАНОВ Роман. Богатыри. Стихи	XI,	169
РУМЯНЦЕВ Дмитрий. Лампа Аладдина. Стихи	VII,	126
РУСС Анна. Из твоей головы.	I,	101
РЫСКУЛОВ Рамис. Вступительное слово и переводы с киргизского Вячеслава Шаповалова	V,	220
РЯШЕНЦЕВ Юрий. В просодии родной. Стихи	VI,	3
САЛИМОН Владимир. Живи, поэт!	I,	3
СМИРНОВ Роман. Может быть, мэй би, мабуть. Стихи	VI,	178
СТЕПАНОВ Евгений. Как младший брат травы. Стихи	XII,	166
СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга. Наста КУДАСОВА. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи. <i>С белорусского // Студия сравнительного поэтического перевода</i>		
«Шкереберть»	II,	182
ТАЖИ Айгерим. Синий виноград. Стихи	VIII,	187
ТРИФОНОВА Анастасия. Контур человека. Стихи	VI,	222
УЛЬЯНОВА Юлиана. Правда о ближнем. Стихи	III,	158
ФАЛИКОВ Илья. Сто нет — один ответ. Стихи	III,	3
ФАМИЦКИЙ Андрей. Одно из ремёсел. Стихи	I,	137
ФЕТ Эгвина. Сом в летнюю ночь. Стихи	XI,	30
ШАПОВАЛОВ Вячеслав. Покровитель стад. Стихи	VIII,	3
ШАПОВАЛОВ Вячеслав. Рамис РЫСКУЛОВ. Стихи. <i>С киргизского</i>	V,	220
ШАРИФУЛЛИНА Эля. Небо лежит ничком. Стихи	XII,	123
ШЕВЧЕНКО Ганна. В кругу такого водевиля. Стихи	XI,	148
ШРАЕР Максим Д.. Стихи из айпэда	IV,	128
ЭШ Татiana Тейт. Ичме сув. Стихи	IV,	154

№ Стр.

МИНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

- КУДАСОВА Наста. «Крык бінтую маўчаннем лістоў». Стихи.
Перевели Дмитрий АРТИС, Евгения Джен БАРАНОВА, Инга КУЗНЕЦОВА,
Яна-Мария КУРМАНГАЛИНА, Анна МАРКИНА, Ольга СУЛЬЧИНСКАЯ —
Студия сравнительного поэтического перевода «Шкереберть» II, 182

ПОЭТ О ПОЭТЕ

- ВАСИЛЬКОВА Ирина. Паррезия, или Крипты речи (Наталья Лясковская)..... IV, 188

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- АРИШИНА Наталья. Воспоминанья зарифмую. *Записи на ходу* IX, 201
НИКОЛАЕВА Олеся. Брат мой Битов VII, 192
НИКОЛАЕВА Олеся. «Россия, Лета, Лорелея».
Два портрета из будущей книги VIII, 210
ХАРЛАМПУЕВА Наталья. Тюркский брат мой. *Вспоминая Равиля Бухараева* .X, 209
ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий. Из тайных архивов русской школы.
История образования в портретах и документах X, 239
..... XI, 201

«ТОЛЬКО ДЕТСКИЕ КНИГИ ЧИТАТЬ...»

- БОГДАНОВА Вера. «Вот она — взрослая жизнь, полная приключений...» XI, 3
БУКША Ксения. «Как будто всё время нечто оставалось за углом...» XI, 5
БУНИМОВИЧ Евгений. Три мушки тѐра XI, 6
КЛИМОВСКИ Керен. Муми-вселенная XI, 8
ЛИДСКИЙ Владимир. Выстоять и победить XI, 11
МУРАВЬЁВА Ирина. Хвала тебе, детство XI, 13
ОБОРИН Лев. «Ближайший аналог Шкиды в литературе — Хогвартс» XI, 16
ПОЛЯРИНОВ Алексей. «Это было моё первое культурологическое открытие» XI, 17
РУБАНОВ Андрей. Книги просто так не приходят XI, 18
СЕКИСОВ Антон. Исследование чудовищ XI, 20
ХАНОВ Булат. «И только сейчас мне открылась страшная истина...» XI, 23
ЧИЖОВ Евгений. Легенда об «Уленшпигеле» XI, 25
ШЕВАРОВ Дмитрий. «У каждого дня была своя любимая книга» XI, 27

ПУБЛИЦИСТИКА

- БУРОВ Алексей, ПРАШКЕВИЧ Геннадий. О массовом искусстве.
Два письма на одну тему II, 190
БУРОВ Алексей, ПРАШКЕВИЧ Геннадий. О революции и вязальщицах.
Два письма на одну тему VI, 225
БУРОВ Алексей, ПРАШКЕВИЧ Геннадий. О пророках и предсказаниях.
Два письма на одну тему IX, 179
ВЯХЯКУОПУС Елена. Мрак твой будет как полдень III, 211
ДЕРЮГИНА Александра. Приморский дневник IV, 207
КАГРАМАНОВ Юрий. Время (и бремя) чёрных?
О новом витке расового вопроса VIII, 201
МАКОША Олег, МЕЛИХОВ Александр. Здесь и там.
Письма из провинции в провинцию V, 225

	№	Стр.
МЕЛИХОВ Александр. Советский патриотизм и голос крови	I,	219
МЕЛИХОВ Александр, МАКОША Олег. Здесь и там.		
<i>Письма из провинции в провинцию</i>	V,	225
ПЕРЕСЛЕГИН Сергей. Космос как необходимость	IV,	194
ПРАШКЕВИЧ Геннадий, БУРОВ Алексей. О массовом искусстве.		
<i>Два письма на одну тему</i>	II,	190
ПРАШКЕВИЧ Геннадий, БУРОВ Алексей. О революции и вязальщицах.		
<i>Два письма на одну тему</i>	VI,	225
ПРАШКЕВИЧ Геннадий, БУРОВ Алексей. О пророках и предсказаниях.		
<i>Два письма на одну тему</i>	IX,	179
СИНИЦЫНА Людмила. Победы и поражения Генриха Фогелера.		
<i>От поэтической утопии к зримому духу</i>	III,	217

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

ПАНКРАТОВ Георгий. Я хочу проснуться. <i>Два эссе</i>	XII,	174
---	------	-----

ДИАЛОГИ С ПРОШЛЫМ

90-е и сегодня: прошлое в настоящем. <i>Заочный «круглый стол»</i>		
АЙРАПЕТЯН Валерий. «Куда мы шли эти тридцать лет?..»	XII,	182
ГРИГОРЕНКО Александр. СССР как автобиография	XII,	190
ДОЛГОПЯТ Елена. Дата и место	XII,	193
ДРАГУНСКИЙ Денис. Не бойтесь ваших мечтаний — они все равно не исполнятся	XII,	195
КОЧЕРГИН Илья. Куда уходит детство?	XII,	197
КРЮКОВА Елена. Не уходи	XII,	200
НИКОЛАЕВА Олеся. Сумбурно и противоречиво	XII,	203
ТОРК Алексей. Время крупных событий	XII,	205
ШЕВАРОВ Дмитрий. Заметки на календарных листках 91-го года	XII,	206

УРОКИ ОБЖ

БУНИМОВИЧ Евгений. Один день из жизни детского омбудсмена	XI,	192
--	-----	-----

НАЦИЯ И МИР

ВОРОПАЕВА Анна. Заметки лаовая о жизни в китайской деревне под Уханем до пандемии	IX,	187
КОБРИН Кирилл. Второй китайский дневник.		
<i>Из будущей книги «На пути к изоляции. Дневник предвирусных лет, 2018 – февраль 2020 года»</i>	II,	222
МАЛАШЕНКО Алексей. Тяжело в ученье, нелегко в бою	I,	197
МАЛАШЕНКО Алексей. Нелёгкое бремя идентичности. <i>Ненаучные заметки</i>	XII,	168
ЦИРУЛЬНИКОВ Анатолий. Белые журавли на серой земле.		
<i>Взгляд из России на китайскую деревню</i>	II,	200

ЧЕРТА ГОРИЗОНТА / ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Обыденная виртуальность. <i>Размышления белгородских школьников</i>	II,	168
Возможна ли «кровь по совести»?.. <i>Белгородские школьники читают Достоевского</i>	XI,	234

АРХИВ

КАЗИТЫ Мелитон. Письма боли. *История публикации романа, ставшего классикой осетинской литературы* X, 214

КРИТИКА

(статьи, обзоры, обсуждения, диалоги)

АБДУЛЛАЕВ Евгений. Год перечитывания. // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 238
АБДУЛЛАЕВ Евгений. «Приют пиров, ничем невозмутимых...» <i>О новых поэтических сериях и сборниках 2020 года</i>	III, 234
АЛЕКСАНДРОВ Николай. Уединенное чтение в эпоху соцсетей // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	II, 252
БАВИЛЬСКИЙ Дмитрий, Безвозвратное деление. // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 240
БРЕЙНИНГЕР Ольга. Эрос и Танатос русской литературы в 2020 году // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	II, 254
ГАЛГУТ Катерина. В попытках удержаться за реальность. // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 243
ГОЛУБОВИЧ Ксения. Труд поэта. Словарь. Ольга Седакова. Трудные места из богослужения	XII, 212
ЗАКРУЧЕНКО Мария. «Все побежали писать про 2020 год». // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 245
КОМАРОВ Константин. «Вещать о литературе, сидя у экрана в домашних тапочках...» // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	II, 255
ЛЕБЕДЕНКО Сергей. «Главный способ продвигать книги — экранизация». // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 245
ЛЕПИШЕВА Елена. Повестка «здесь-и-сейчас» // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	II, 258
ЛЕПИШЕВА Елена. Голоса живых. <i>Пунктирный обзор современной белорусской литературы</i>	IV, 220
ЛЮСЫЙ Александр, ЧЖОУ Лу. Сам себе китаист: исследовательское шоу. Путь к «китайскому тексту» русской культуры с точки зрения внутреннего и внешнего диалога	II, 239
ПЕППЕРШТЕЙН Павел. Нежные пространства и сундучки Флинта. <i>Разговор ведет Ксения Голубович</i>	XII, 225
ПУСТОВАЯ Валерия. «От обреченности к творению смысла». // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 247
САЛОМАТИН Алексей. Корона без царя // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	II, 261
САФРОНОВА Елена. «Люди, меж тем, отреагировали на пандемию творчески...» // Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась. <i>Литературные итоги 2020 года</i>	I, 254

№ Стр.

читаем вместе

ГАБРИЭЛЯН Нина. Конец геометрий // «Господи, вспомни, ведь это же я...». О сборнике стихов Ефима Бершина «Мёртвое море»	V, 244
ИВАНИЦКАЯ Елена. Жизнь с трещиной в сердце // Погоня за призраком. О романе Леонида Юзефовича «Филэллин»	IV, 248
КУЗНЕЦОВ Игорь / Вольный пленник Акрополя // Погоня за призраком. О романе Леонида Юзефовича «Филэллин»	IV, 245
ЛЕПИШЕВА Елена. Лопнувшие струны vs топоры // Вечный Сад: символ, почва и судьба. О романе Марины Степновой «Сад»	VII, 251
ЛЮСЫЙ Александр. Когда деревья были большими // Вечный Сад: символ, почва и судьба. О романе Марины Степновой «Сад»	VII, 256
ПЕРМЯКОВ Андрей. Своя война // «Господи, вспомни, ведь это же я...». О сборнике стихов Ефима Бершина «Мёртвое море»	V, 238
САФРОНОВА Елена. Новый Чехов явился?.. // Вечный Сад: символ, почва и судьба. О романе Марины Степновой «Сад»	VII, 248
СТАХОВ Дмитрий. За нашу и вашу свободу // Погоня за призраком. О романе Леонида Юзефовича «Филэллин»	IV, 240

связка рецензий

ЧАНЦЕВ Александр. Манифестация сложности	III, 246
ЧАНЦЕВ Александр. Пьеро ди Козимо - собрат де Кирико: дадаизм, импрессионизм и традиционализм	VI, 238
ЧАНЦЕВ Александр. Eсotium musicae, или Молекулы музыки	IX, 249
ЧАНЦЕВ Александр. Внутренняя алхимия	XII, 237

подробное чтение

АЛЕКСАНДРОВ Николай. Реторта литературы (В.Сорокин. «Доктор Гарин»; А.Соболев. «Грифоны охраняют лиру»)	VII, 264
ПЕРМЯКОВ Андрей. Постапокалипсис без апокалипсиса (Ю.Гуголев. «Волинщик над Арлингтоном», 2019–2020)	VIII, 244
ПУСТОВАЯ Валерия. Шаманский аперитив (Шамиль Идиатуллин. «Последнее время»)	I, 254
ПУСТОВАЯ Валерия. Внятней, как мануал (А.Поляринов. «Центр тяжести»; А.Поляринов. «Риф»)	III, 255
САФРОНОВА Елена. Каждый читает свой литпроцесс (А.Чанцев. «Ижицы на сюртуке из снов: книжная пятилетка»; О.Балла. «Пойманный свет: смысловые практики в книгах и текстах начала столетия»)	X, 258

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

АЛЕКСАНДРОВ Николай. Интересная Фаина и нарративные практики (Алла Хемлин. «Интересная Фаина»)	V, 252
АЛЕКСАНДРОВ Николай. «Жизни спутанные нити» (С.Беляков. «Парижские мальчики в сталинской Москве»)	XI, 251
АНУФРИЕВА Мария. Недетская история игрушек («Дизайн детства: Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней»)	XI, 257
АРТИС Дмитрий. Жизнь на обратную сторону (И.Купреянов. «Стихотворения 2010-х»)	VIII, 254
АРТИС Дмитрий. Осадные орудия (С.Золотарёв. «Линзы Шостаковича»)	VI, 251

	№ Стр.
БАВИЛЬСКИЙ Дмитрий. Таня и Саша в трипе (С.Сачкова «Люди и птицы») ..	VI, 253
БУГОСЛАВСКАЯ Ольга. «У бездны мрачной на краю» (А.Дмитриев. «Этот берег»)	IV, 260
БУГОСЛАВСКАЯ Ольга. Без анестезии (В.Ремизов. «Вечная мерзлота»)	VIII, 251
ГЕРТМАН Ольга. Не путайте мурмурацию с мурмурином (Словарь культуры XXI века. Первое приближение / Сост. Игорь Сид)	V, 258
ГЕРТМАН Ольга. Иномосковье, которое всегда с нами (Н.Беленькая. «Девочки-колдуньи»)	XI, 254
ЕВСЮКОВ Александр. Билингва любви и отчаяния (С.Овакимян. «Созвездие эмигранта»)	VIII, 262
ЕЛАГИНА Елена. А напоследок я скажу... (В.Шпаков. «Пленники амальгамы»)	VI, 257
КАЦОВ Геннадий. «Менестреляный воробей...» (А.Габриэль. «Чёт и вычет»)	VIII, 259
КОЛЕСНИКОВ Андрей. Время и место Михаила Румера (М.Румер-Зараев. «Хождение по руинам: портреты трёх сельских районов на фоне новейшей истории»)	IV, 252
САФРОНОВА Елена. Кино про смерть (Т.Милова. «И краткое: Стихотворения»)	IV, 256
САФРОНОВА Елена. Семейный вальс (М.Москвина. «Вальсирующая»)	VI, 247
СТАХОВ Дмитрий. «Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...» (Павел Полян. «Если только буду жив...»)	V, 248
СТАХОВ Дмитрий. Мемуары романиста (П.Алешковский. «Секретики»)	VIII, 256
ТЕР-АБРАМЯНЦ Амаяк. В поисках корней и истоков (Ингрия — наша родина.../ Составление и предисловие Э.Панкратовой)	VI, 260
ШАБАЛИН Сергей. Время тревоги нашей (Геннадий Кацов. «На Западном фронте: Стихи о войне 2020 года»)	V, 255

БИБЛИОНАВТИКА

Рубрику ведет Ольга БАЛЛА

Диалог с пространством	I, 262
Фильмы для внутреннего зрения (Ш.Абдуллаев. «Другой юг»)	III, 263
Свои претензии адресуйте дьяволу (А.Иванов. «Тени тевтонов»)	V, 262
Вчитывая, вычитывая, (пере)прочитывая/ Писатели о писателях в серии «Жизнь замечательных людей»	VII, 238
Режущий воздух свободы («Новое литературное обозрение», № 166; Д.Окрест, Е.Сенников. «Они отвалились: Как и почему закончился социализм в Восточной Европе»)	IX, 257
Огромная, как большой мир («Дочки-матери, или Во что играют большие девочки»; Ева Левит. «Мама, ты лучше всех!»)	XI, 262

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Рубрику ведет Евгений АБДУЛЛАЕВ

Просто такой постмодернизм	II, 263
И снова слово на букву «И»	IV, 262
«Резко сняли министра...»	VI, 263
Не премиальте	VIII, 241
Четвёртый сон Агафьи Тихоновны	X, 265
Дело привычное	XII, 249

ПРАВИЛА ИГРЫ

Рубрику ведет Борис МИНАЕВ

«Кеды» — 2020	I,	268
Большой маленький Успенский	II,	267
Как-то иначе	III,	267
Чацкий навсегда	IV,	267
СКТВР и другие города	V,	268
Способность вычитывать	VI,	267
И вновь читая жизнь свою	VII,	269
Куклы Резо, или Проблема снятия	VIII,	265
Не надо слов?	IX,	263
Поверх всего	X,	268
Эй, взрослые!	XI,	268
Театр в эпоху революции	XII,	258

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

ТИРКИШОВА Язгуль. Мир, в который хочется войти.....	VIII,	269
ТИРКИШОВА Язгуль. Музыка любви и красоты. <i>Мир художника К.Курбанова</i> IX,	270	

СПЕЦНОМЕРА

«ПИСАТЕЛЬ КАК ЧИТАТЕЛЬ» (№ 7)

Скриншот: книги читателей. <i>От редакции — Наталья Игрунова</i>	3
проза и поэзия	
Бахыт КЕНЖЕЕВ. Новые нравоучительные стихотворения Ремонта Приборова ...	4
Георгий ГРАТТ. Русский Стикс. <i>Роман</i>	8
Владимир ГАНДЕЛЬСМАН. Стихи из «Велимировой книги»	73
Владимир ЕРМОЛАЕВ. Движение на закат. <i>Фрагмент романа</i>	78
Дмитрий РУМЯНЦЕВ. Лампа Аладдина. <i>Стихи</i>	126
Александр ВЕРГЕЛИС. В поисках бедного Йорика. <i>Рассказ</i>	130
Алина ВИТУХНОВСКАЯ. Гамлет — попытка полёта. <i>Стихи</i>	159
Владимир ТРЕНИН. Рюмка Достоевского. <i>Рассказ</i>	162
Сергей ЗОЛОТАРЁВ. Витька и Сухомлин. <i>Междуречье</i>	173
Наталья ИЗОТОВА. Ахматова в профиль. <i>Стихи</i>	180
диалоги с памятью	
Валерий ПИСКУНОВ. Опыт Евангелия. <i>Метанойя</i>	183
культурный слой	
Олеся НИКОЛАЕВА. Брат мой Битов	192
библионавтика	
Ольга БАЛЛА. Вчитывая, вычитывая, (пере)прочитывая	238
читаем вместе	
Вечный Сад: символ, почва и судьба. <i>О романе Марины Степновой «Сад» размышляют Елена ЛЕПИШЕВА, Александр ЛЮСЫЙ и Елена САФРОНОВА</i>	248

№ Стр.

подробное чтение	
Николай АЛЕКСАНДРОВ. Реторта литературы (В.Сорокин. «Доктор Гарин»; А.Соболев. «Грифоны охраняют лиру»)	264
правила игры	
Борис МИНАЕВ. И вновь читая жизнь свою	269
«ДРУЖБА НА ВЫРОСТ» (№ 11)	
«Только детские книги читать...» Заочный «круглый стол»	3
проза и поэзия	
Эгвина ФЕТ. Сом в летнюю ночь. <i>Стихи</i>	30
Сюзанна КУЛЕШОВА. Игры индиго. <i>Роман</i>	34
Ольга ЗЛОТНИКОВА. Как детский шарик золотой. <i>Стихи</i>	121
Надя АЛЕКСЕЕВА. Два рассказа	125
Татьяна МЛЫНЧИК. Ксения Петербургская позвонит. <i>Рассказ</i>	143
Ганна ШЕВЧЕНКО. В кругу такого водевиля. <i>Стихи</i>	148
Максим ГУРЕЕВ. Сова. <i>Рассказ</i>	151
Никита КОНТУКОВ. «Кровь моя, за вас изливаемая». <i>Рассказ</i>	161
Роман РУБАНОВ. Богатыри. <i>Стихи</i>	169
Ирина ГОРОШКО. Рассказы	173
Дмитрий СИРОТИН. Красный свет детства. <i>Рассказы</i>	185
Ольга МИХАЙЛОВА. Для Бога времени нет! <i>Стихи</i>	190
уроки ОБЖ	
Евгений БУНИМОВИЧ. Один день из жизни детского омбудсмена	192
культурный слой	
Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ. Из тайных архивов русской школы. <i>История образования в портретах и документах</i>	201
школьная программа	
Возможна ли «кровь по совести»?.. <i>Белгородские школьники читают Достоевского</i>	234
книжный развал	
Николай АЛЕКСАНДРОВ. «Жизни спутанные нити» (С.Беляков. «Парижские мальчики в сталинской Москве»)	251
Ольга ГЕРТМАН. Иномосковье, которое всегда с нами (Н.Беленькая. «Девочки-колдуньи»)	254
Мария АНУФРИЕВА. Недетская история игрушек («Дизайн детства: <i>Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней</i> »)	257
библионавтика	
Ольга БАЛЛА. Огромная, как большой мир	262
правила игры	
Борис МИНАЕВ. Эй, взрослые!	268

Summary

Marina MOSKVINA. Three Sides of the Stone

The author of the novels published by our magazine – “Krio”, “The Genius of the Unrequited Love”, “The Love Affair with the Moon” – goes on writing her joyful, aching and ironical, safely grounded but always ready to soar into the heavens story of love to this blessed and absurd world. This novel is a tragicomical recital about the painter who had been looking for the light in his pictures and finally became dissolved in the light of day. An experience of opposing to oblivion.

Sergej SIMONOV. Untermensch

This long short story is a kind of “The Catcher in the Rye” 70 years later. It’s the first publication of the author in our magazine, a new name along with Andrej Ivanov and Olga Breininger.

Alexej MALASHENKO. The Identity’s Burden

Who are you, what’s your identity? Is it good or bad to have it? What kind can — or can not — it be? Will it become universal some time or other? About all this is reflecting in his essay the scholar, publicist, writer A. Malashenko unintentionally “commenting” Simonov’s long-short story.

December 1991 – the end of the USSR. Historic milestone

30 years later we invited our authors to a dialogue with the past.

Basing on the fundamental “Dictionary of the Difficult Words from the Worship Service” by the poet, translator and philologist Olga SEDAKOVA and talking with Pavel PEPPERSHTEIN, one of the iconic actors of the art and literary community of the 90-s, Ksenija GOLUBOVICH is reflecting about how the language of the time (including the artistic language) was and is been changing.

The participants of the round table discussion Valerij AJRAPETYAN, Alexander GRIGORENKO, Elena DOLGOPYAT, Denis DRAGUNSKIJ, Ilya KOCHERGIN, Elena KRUKOVA, Olesya NICKOLAEVA, Alexej TORK, Dmitrij SHEVAROV are meditating on how they were dreaming of the 90-s then and how the 90-s are echoing to them now. Where were we going all these thirty years and where have we come to.

Poetry

Christmas and New Year dispose to the dreams and recollections, summarizing the gains and losses and thoughts about the eternity. Within these moods keep the lyrics by Vladimir GANDELSMAN, Mikhail KAGANOVICH, Evgenij STEPANOV and poems of our debutant Elya SHARIFULLINA.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Тверская улица, 17)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин Лабиринт.ру
в любом городе страны.

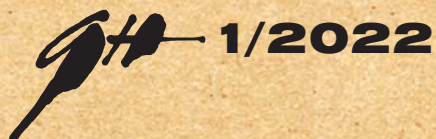
Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Читайте:

Владимир Лим. Роман «Цунами»:

«Кореец заметил сначала женщину, то и дело исчезающую под водой, а потом и плывущую рядом с ней дверь от своего дома, которую он узнал по траченной молью пятнистой нерпичьей шкуре. Пока лодка по инерции шла к женщине, она снова исчезла, и хотя он знал, что это не жена, продолжал видеть в ней Марику; обмирая от этого противоречивого, захватившего его чувства, стянул с себя телогрейку, чтобы броситься за ней, но она появилась уже в полуметре от борта. Кореец быстро захватил в пучок её плывущие чёрным зонтом длинные волосы и подтянул к лодке. Женщина прижимала к себе мальчика. Бородатый подхватил её подмышки и втащил в лодку. Кореец освободил бездыханного ребёнка от мокрого одеяла и встряхнул за ноги с криком: «Витя!» Мальчик фыркнул и тотчас же тихо жалобно заплакал. Бородатый продолжал тормозить женщину, наконец она задёргалась, изо рта выплеснулась вода. Кореец прижал к себе завёрнутого в телогрейку ребёнка. «Где Марику?!» — закричал он женщине. Это была Сатико, по-русски Тамара, старшая сестра жены, она всегда ночевала у них, когда он уезжал. Кореец почувствовал холод и пустоту в груди — там, где всегда была Марику, Маша, теперь ничего не было. «Где она?!» — кричал он, но Сатико только молча мотала головой. К ним плыли, барахтаясь, толкая перед собой доски, один за другим, несколько человек, кричали слабейшими голосами, поднимали руки. Марику среди них не было, да и не могло быть — она не умела плавать...»